

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

По легенде, этот клинок
когда-то принадлежал Тавру,
любимому воину царя
Миноса. Кинжал пил кровь
поверженных, а силу их
отдавал своему владельцу.
И даже спустя тысячелетия
мощь кинжала не
изменилась...

Екатерина ЛЕСИНА

Клинок Минотавра

Екатерина Лесина
Клинок Минотавра
Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333378
Екатерина Лесина. Клинок Минотавра: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74242-4

Аннотация

Рог Минотавра, клинок, сотворенный легендарным Дедалом для Тавра, любимого воина царя Миноса, одарил хозяина силой, но отнял разум. Не принес он удачи и потомкам Тавра, исполняя их желания, взамен отбирая душу, коверкая жизни. Оттого и оборвался род князей Тавровских. Памятью о них остались развалины старой усадьбы и легенда, которую Женьке рассказали местные жители. Скрываясь от бывшего и чрезвычайно агрессивного жениха, Евгения приехала в забытую деревню, не предполагая, что ненароком окажется в центре чужой и опасной игры. Здесь у каждого своя роль и своя маска, минувшее тесно переплетается с будущим. И прошлое вновь оживает. Выходит из тени человек в маске быка, собирая чужие жизни. Он убивает, силясь утолить голод клинка, а также вернуть последнюю княжну из проклятого рода Тавровских...

Екатерина Лесина

Клинок Минотавра

– Женька, не будь душой, – прошипела Лариска. – Нашла, ради кого слезы лить.

Слезы лились сами собой. Крупные, можно сказать, отборные. Женька только всхлипывала и подвывала, причем с каждой минутой всхлипы становились все тише, а подвывания – громче.

– Он тебя не достоин, – Лариска тоже шмыгнула носом, но тут же взяла себя в руки, и зарождающийся слезопад перекрыла сушкой. Диетической. На диете Лариска сидела время от времени, как правило, после крушения очередного романа. Хватало ее недели на две-три, впрочем, Женька помнила, что однажды диетическое лечение продлилось целый месяц, и Лариска тогда изрядно постройнела, перекрасилась, нарастила акриловые ногти, расписанные незабудками и, осознав свою нечеловеческую привлекательность, влюбилась.

– На вот, не вой, – Лариска сунула сушку и Женьке. – Жуй давай и рассказывай.

Она села, закинув ногу на ногу, и полы шелкового халатика разошлись, выставляя округлые Ларискины колени.

– Н-нечего рассказывать, – шмыгнула носом Женька и в сушку вгрызлась.

И рассказывать нечего, и идти некуда.

– М-можно я у тебя по-поживу?

– По-поживи, – согласилась Лариска, запивая диетическую сушку диетическим кефиром. – Что, окончательно рассорились?

В ней говорило естественное женское любопытство, ну и немного, на краешек акрилового ногтя, женская же зависть. В отличие от Ларискиных увлечений Женькин роман длился уже четвертый год, и дело медленно, но верно двигалось к свадьбе.

Женька даже платью прismoтpела...

...И кафе...

...И список гостей составила мысленно...

Нет, конечно, драгоценный утверждал, что спешить не следует, что гражданский брак – это тоже брак, а остальное – будет позже, когда он упрочит свое положение, и Женька соглашалась.

Дура рыжая.

– Я... от него ушла, – Женька шлепнула себя по мокрой щеке, приказывая успокоиться.

– Совсем? – деловито поинтересовалась подруга.

– Да.

– Ну и молодец. И что у вас случилось?

Обычная история. Нелепая. Некрасивая и... ожидаемая, наверное.

– Я... к маме поехала... у нее сердце, ты знаешь, – Женька вздохнула и потянулась за очередной сушкой. Желудок заурчал, напоминая, что помимо бутерброда с сыром «Российским» иной пищи он не видел. – Сердце и...

– И твоего придурка она на дух не переносит, – кивнула Лариска.

Верно. Как-то вот не сложились у драгоценного отношения с Женькиными родителями. Те его недолюбливали, он же отвечал на нелюбовь надменным равнодушием.

– Он сказал, что туда меня не повезет; если он такой плохой, то ехать мне на автобусе...

– И ты поехала? – глаза Лариски полыхнули.

– Поехала. Съездила и тут же вернулась. Тетя Веня объявилась и маму в свой санаторий забрала. Ты же знаешь тетку... Я еще порадовалась... я давно предлагала, так разве мама слушает? А от тетки она точно не отобьется...

Сушки были пресными.

– Вот я и... домой... звонить не стала... сюрприз...

– Дура, – ласково произнесла Лариса и, дотянувшись, погладила Женьку по включенным рыжим волосам. – Кто ж мужикам такие сюрпризы делает? Он с бабой, да?

– Да.

– Ну... может, она по делу зашла... или ты не так поняла.

Женька неожиданно для себя рассмеялась. Господи, да что там не так понять можно было? До кровати драгоценный не добрался, на диване расположились, он и эта стерва из отдела продаж! Она еще тогда, на корпоративе Женьке не понравилась... черная юбка-мини, блуза просвечивающая, бюст четвертого размера и кукольные синие глаза.

А взгляд – хищный.

И, захлебываясь от обиды, Женька рассказывала про остроносые туфли на шпильках, брошенные в коридоре... прежде-то драгоценный терпеть не мог малейшего беспорядка, и обувь следовало ставить в шкаф, предварительно протерев сухой тряпочкой. А туфли валялись. И длинный красный зонт.

И лаковая курточка, тоже красная с огромными пуговицами.

Папка с бумагами.

Юбка, уже не черная, но опять короткая...

Сама хозяйка, томно постанывавшая, и драгоценный.

Отвратительно.

От отвращения она и не расплакалась сразу, выскочила за дверь.

– Теперь все, – сказала она, засовывая в рот последнюю сушку. – Я к нему не вернусь...

– И правильно.

Лариска, слушавшая рассказ внимательно, достала из кармана пачку сигарет.

– К нему тебе нельзя. Он козел, но от тебя не отстанет.

– Почему?

– Потому что вторую такую ласковую дуру попробуй найди. Он же привык, что ты у него вместо домработницы. Кто в квартире убирается? Готовит? Рубашечки стирает? Гладит? Портфельчик носит? В рот ему смотрит, каждое слово ловит... дура ты, Женька.

Точно, дура. И от осознания этой дурости захотелось зареветь уже в голос. А ведь казалось, вот оно, счастье...

– Хорошо, хоть доучилась. А то была бы и без диплома.

– Кому он нужен...

– Тебе нужен, – жестко обрезала подруга. – Или ты планируешь и дальше дома сидеть?

Женька вздохнула. Так далеко она еще не заглядывала... а ведь верно, что ей делать? К родителям возвращаться и весь следующий год слушать о том, какая она, Женька, глупенькая, несамостоятельная, недаленовидная? Нет, родители ее любят, но молчать не станут: драгоценный им крепко нервы потрепал.

У Лариски остаться? Она не будет против, но сколько у нее прожить можно? Месяц? Другой? А потом что? Работу искать надо, а Женька не очень хорошо себе представляла, как это делается.

И разве виновата она, что работать ей не довелось?

Драгоценного она встретила, будучи уже на пятом курсе. И влюбилась. Да и как не влюбиться, когда он был хорош собой, солиден, сдержан и слегка, самую малость, надменен. Тогда эта надменность казалась Женьке признаком аристократизма...

Истинный принц.

Ко всему состоятельный. Он покупал Женьке роскошные букеты и в рестораны ее возил. Девчонки завидовали.

– Везучая ты, Лашевская, вон какого мужика отхватила...

И Женька, млея от счастья, соглашалась. Спустя месяц драгоценный предложил переехать к нему. И разве это не свидетельствовало о серьезности его намерений? Конечно, от общаги к универу было ближе, а возить ее на учебу драгоценный отказывался.

– Нечего тратить время на ерунду. Ну кем ты там станешь? Педагогом? Тоже мне, профессия...

Кажется, в тот раз они впервые поссорились. И он затаил обиду, обижался долго, до самого выпуска, а Женька перед госэкзаменами переехала в общежитие. Оттуда он ее и забрал, уже после диплома, сдачу которого решено было отметить. Драгоценный появился с корзиной бордовых роз и, встав на одно колено, при всех просил прощения. Ну как было устоять?

Дура, ох дура... идиотка махровая.

...И лег диплом ее в ящик стола. Зачем женщине работать? Разве Женьке денег мало? Ее дело – создавать уют. Хранить очаг.

И хранила. Три треклятых года хранила, обживая его квартиру, как собственную.

– Что теперь будет? – всхлипнула Женька, догрызая последнюю сушку.

– Что-нибудь. Иди умойся.

Лариске квартира досталась от бабки, которая при жизни отличалась на редкость склочным нравом и успела рассориться как с дочерьми, так и с внуками, кроме Лариски, которой жилплощадь и завещала.

Женька села на край ванны и включила воду.

Ржавая и урчит.

Кран закручен изолентой, из-под которой растекается вода. Квартире ремонт нужен, но откуда у Лариски деньги? Нет, она не просила, не намекала, но... Женька однажды попросила драгоценного помочь. Подруга ведь. А он, смерив Женьку насмешливым взглядом, произнес:

– Твоя подруга плохо на тебя влияет. Мне она не нравится.

Ему отчего-то не нравились все Женькины знакомые, и за четыре года эти знакомые как-то сами собой исчезли из Женькиной жизни. Наверное, им в ней стало неуютно.

А Лариска вот осталась. И теперь Женька сидела на краю ванны в крохотной ванной комнате, разглядывала бело-синюю еще советского образца плитку и трещины на ней. В запотевшем зеркале отражалась распухшая Женькина физиономия. И глаза от слез покраснели, и нос раздулся, а губы вновь кусала...

...Драгоценный долго пытался отучить ее от этой дурной привычки.

Ну вот, не стоило вспоминать! Не стоило. И Женька решительно плеснула в лицо ледяной воды... гадость. Наверное, она просидела в ванной комнате долго, потому как выйдя, услышала голоса.

– Я знаю, что она здесь! – драгоценный редко повышал голос, утверждая, что человеку его положения следует проявлять похвальную сдержанность.

– С чего взял?

Лариска стояла в коридорчике, опираясь на старый сервант, который давно собиралась выкинуть, но руки не доходили. А может, просто никто из ее возлюбленных не горел желанием тащить древний, но тяжелый сервант, к помойке.

– Не дури мне голову. Ей просто некуда больше идти.

– А ты и рад.

Женька замерла, испытывая огромное желание сбежать. Запереться в ванной, зарыться в ворох махровых халатов, к которым Лариска испытывала странную привязанность, и сидеть, пока он не уйдет.

– Позови!

– Не командуй тут, не у себя дома. – Лариска воинственно сдула темный локон.

Спрятаться? И как долго прятаться? Год? Два? Всю оставшуюся жизнь?

...А в его квартире остались Женькины вещи. И вообще им следует поговорить как взрослым серьезным людям, расставить все точки...

– Слушай, ты... шалава, – драгоценный шипел. – Или ты позовешь сейчас это недоразумение, или...

– Лар, я с ним поговорю.

Женька дернула подругу за рукав, жалея лишь об одном – что распухшая ее физиономия выдает недавнюю истерику.

– Уверена?

Женька кивнула. В конце концов, драгоценный – интеллигентный человек, пусть и сволочь, как оказалось, но остальное-то... не съест же он Женьку.

Лариска посторонилась. Пускать драгоценного в квартиру она явно не желала. А на лестнице гуляли сквозняки, и значит, дядя Миша с третьего вновь окно вышиб по пьяни. Он был неплохим человеком и запивал исключительно на получку, причем получку успевал до дома донести.

И окно вставит.

Потом.

Почему-то думалось о дяде Мише и его жене, которая носила короткие розовые халатики, хотя давно вышла из девичьего возраста. О старухе Семеновне и мелкой злойной ее собачонке, норовившей облаять каждого, о сирени у подъезда и тройке кошек, этот куст обживших... обо всем сразу, но только не о драгоценном. Он же стоял, неуместный на этой площадке, старой, но чистой, заслоняя собой деревянную стоечку для цветов. Цветы выставляла еще Ларискина бабка, и теперь Лариске по наследству приходилось ухаживать за ними.

– Евгения, – драгоценный смерил Женьку взглядом, в котором она прочла и возмущение, и негодование, и готовность простить. – Твой поступок неприемлем.

А все-таки в чем-то он смешон. Нет, красив, конечно, высокий и широкоплечий, подкачанный... тренажерный зал трижды в неделю и раз в полгода – строгая диета. Для Женьки – чаще, она ведь женщина...

– Почему?

– Потому что ты – взрослый человек, а ведешь себя как ребенок.

Руки на груди скрестил...

...Широкие запястья, удлинённые ладони с аристократическими тонкими пальцами. Он как-то долго и довольно нудно – все-таки имелся и у драгоценного недостаток, это самое занудство – объяснял Женьке, чем ее руки, плебейские, от его отличаются.

Едва не поссорились тогда.

Господи, как же она ненавидела ссоры! Особенно с ним, когда драгоценный запирался в равнодушном молчании, игнорируя жалкие Женькины попытки примирения. А вот теперь снова сам появился, но без цветов.

– Я... – она сглотнула. – Я видела тебя с этой... женщиной. Сегодня.

Сложно смотреть ему в глаза и признаваться, Женька чувствует себя виноватой, хотя совершенно точно знает, что нет за ней вины.

– Я понял, – отмахнулся драгоценный. – И что?

И что? Он серьезно не понимает?

– Ты мне изменил!

Пожатие плечами, небрежное, слегка раздраженное.

– Она ничего для меня не значит, – драгоценный улыбнулся. – Женечка, конечно, твоя ревность в данных обстоятельствах естественна, но не стоит делать глупостей.

Ревность? Ревновала она его прежде, особенно в первый год, когда поняла, насколько он привлекателен для других женщин. А эти другие вились вокруг драгоценного и были чудо как хороши.

– Ну хочешь, я пообещаю, что впредь буду осмотрительней?

Впредь? Он пришел отнюдь не за тем, чтобы прощения просить. Будет осмотрительней... продолжит изменять, но ради Женькиного спокойствия измены скроет, раз уж она такая непонятливая... несовременная.

– Жора, я не вернусь.

Он терпеть не мог этот вариант своего имени и сейчас скривился, но взял себя в руки.

– Дорогая, – голос мягкий и выражение лица соответствующее, – я же сказал, это был просто секс и ничего, кроме секса. Ангелина слишком стервозна, чтобы я с ней связывался. Ну хочешь, я ее уволю?

И возьмет на ее место другую.

Блондинку. Брюнетку. Рыжую. Не важно. Сколько их, случайных подружек, которые «ничего, кроме секса», перебивало в Женькиной квартире? Нет, не ее, но она привыкла считать квартиру своей. Она ее не обставляла, но... шторы в спальне и в гостиной, чехол на диван, семейство фарфоровых уток на каминной полке... а тот странный светильник, похожий на уличный фонарь начала прошлого века? Женька его нашла на выставке молодых дизайнеров...

– Пойми, дорогая, – драгоценный счел молчание добрым знаком. И взяв Женьку под локоток, продолжил: – Мужчины по своей природе – существа полигамные. Это доказано научно. Им нужен секс, но сам по себе он равным счетом ничего не значит... это как булочку съесть.

– Булочку? – Женька не без труда вырвала руку. – Знаешь, дорогой, ищи себе другую дуру. А я уйду.

Она сделала шаг к двери, но драгоценный перехватил руку и сдавил.

– Куда ты уйдешь? – он говорил спокойно, но вот лицо побелело и сосуды на висках вздулись.

– Отпусти.

– Послушай, дурочка моя ненаглядная... – он дернул Женьку на себя, и она ткнулась носом в дорогой шерстяной его пиджак. От шерсти пахло духами.

Женскими.

– Куда ты пойдешь? К Лариске своей? Ладно, сходи, хотя я изначально был против такой подруги. Она плохо на тебя влияет.

Пальцы его стискивали Женькину руку.

– Мне больно!

Она рванулась, но что она против драгоценного? А он не услышал, никогда-то он не слышал того, чего слышать не желал.

– Но дальше-то что? – обманчиво-ласковый голос. – К родителям на шею сядешь? Они, конечно, будут счастливы, но, Женечка, в твои-то годы стыдно жить за счет родителей...

– А за твой?

Нет, он не тронет. Он просто по щеке гладит, но от самого этого прикосновения страшно.

– Я – другое дело. Мужчина должен содержать семью. Поэтому не глупи... кому ты, кроме меня, нужна?

– Кому?

Он странно действовал на Женьку. Хотелось закричать, броситься к двери, заколотить кулаками, требуя, чтобы впустили в квартиру, защитили. Но вместо этого Женька смотрела в бледные серые глаза драгоценного.

– Никому, – едва ли не с наслаждением произнес он. – Кто ты, если разобраться? Никто. Обыкновенная девчонка, которых тысячи. Не красавица. И умом особым не отличаешься.

Сволочь. Как Женька раньше не видела, какая он сволочь?!

– Миленькая, добренькая, но и только... этого мало, Женечка. Уйдешь от меня и что дальше? Устроишься работать на рынке? Найдешь себе кавалера, какого-нибудь милого мальчика без гроша за душой, но с амбициями? Хотя нет, амбиции твоя мамочка не одобрит. И будете вы вместе жить-поживать, вчетвером в двухкомнатной квартирке, перебиваясь с хлеба на воду... а потом, конечно, дети пойдут... и однажды ты поймешь, что превратилась в заезженную клушу. Располнела. Обрюзгла. И твой муженек это тоже увидит. И найдет себе девицу помоложе... хотя ты, конечно, будешь ждать от него верности. Ты же наивная, Женечка.

Он говорил это шепотом, на ухо, и от каждого слова Женька вздрагивала.

– Отпусти...

– Нет, ты моя.

– Я ничья.

– Ошибаешься, дорогая. Моя. Я тебя выбрал. Я из тебя человека сделал... – драгоценный потянул за рыжую прядку, заставляя наклониться. – Воспитал. И теперь ты дуришь. Нехорошо, Женечка. Давай собирайся, поедem домой.

– Нет.

Пощечина получилась звонкой, и Женька отпрянула, прижимая ладонь к горячей щеке.

– Прости, но ты меня вынудила.

Она прижалась к стене, понимая, что отступить некуда. Драгоценный стоял между ней и дверью в Ларискину квартиру.

– Я не сторонник силовых методов, но если женщина не понимает, что от нее требуется, то приходится ее учить...

– Я закричу!

– Кричи.

И Женька, закрыв пальцами уши, завизжала. Она кричала так громко, как могла, и от крика не слышала ничего. Ни лая собачонки, что нырнула под ноги драгоценному, ни голоса ее хозяйки, требовавшей немедленно прекратить беспорядок, ни дяди Мишиного гулкого баса...

Женька захлебывалась криком и ужасом.

И замолчала только когда оказалась в знакомой прихожей.

– Ну ты даешь, подруга! – Лариска сдула с носа длинную черную прядь. – Вот это голосище!

Женька только икнула.

– На, выпей.

Лариска сунула в руки кружку, и Женька выпила. Подавилась. Закашлялась, а подруга заботливо постучала по спине.

– Что... это? – горло горело, и рот, Женька не пила ничего крепче «Мохито».

– Водка. Водка – лучшее средство от нервного потрясения. По себе знаю. Идем, – Лариска кружку забрала и потянула за собой.

На кухню. Кухонька в квартире была столь крохотной, что даже холодильнику в ней не нашлось места. С трудом втиснулись плита, шкаф, откидной стол и пара узких, неудобных стульев.

– Сейчас кофе сделаю... а вообще пожрать бы надо.

– Ты ж на диете?

– Да ну ее, – отмахнулась Лариска. – Нам думать предстоит, а диета работе мозга не способствует.

Работа мозга... по всему получается, что мозга этого у Женьки нет. С кем она связалась? С принцем. И щека горела от прикосновения королевской руки. Женька щеку потрогала и всхлипнула, не столько от боли, сколько от обиды.

– Вот только не реви! – взмолилась Лариска. – Потом проплачешься.

Потом, так потом. Женьку охватило странное безразличие... она села и, облокотившись о столешницу, глядела на Ларискины кухонные хлопоты.

– На вот, – та сунула в руки бутерброд с ветчиной. – Зажуй. И огурчика маринованного возьми... мама оставила. Опять в этом году пятьдесят банок. Я ей говорила, что куда нам столько? А она разве послушает? Теперь вот тягает, требует, чтобы огурцы ела.

– Ты ж не любишь огурцы.

Ветчина была жирной, а огурец – сладковатым, хрустящим.

Драгоценный настаивал на том, что питаться нужно правильно, без жирной ветчины и огурцов... и Женька со странным наслаждением потянулась за вторым бутербродом.

– Не люблю, – Лариска устроилась напротив. – А ты оттаиваешь, замороженная наша красавица... плакать будешь?

– Буду, – решила Женька, но уточнила. – Позже. Он меня ударил.

Ларка вздохнула.

– Нет, представляешь? Он меня... и сказал, что учить надо... и что я никому не нужна, что он меня воспитал...

Обида комком застряла в горле. Никто Женьку не воспитывал, нет, раньше, давно, еще на заре этого безумного романа, драгоценный пытался читать лекции, а Женька слушала...

Бред какой.

Она вдруг, преисполнившись обиды, стала рассказывать Лариске и о романе, и о своей дизайнерской лампе, о чашках из кузнецовского фарфора, о драгоценном с его неестественной любовью к порядку и занудством. И к тому, и к другому Женька притерпелась, но кто знал, что...

Она снова и снова трогала щеку, заедая обиду огурцами.

Ветчины не хотелось, а огурцы у Ларискиной мамы получались вкусными.

Лариска слушала. Вздыхала. Сочувствовала... хорошо, когда есть кому посочувствовать.

– Послушай, подруга, – она скребла длинным ногтем скатерть, и привычка эта детская сильно раздражала и Ларискину маму, и всех ее кавалеров. Лариска искренне пыталась отучиться от нее, но в минуты душевных волнений привычка брала верх над разумом. – А вот что делать – это проблема...

Женька застыла с бутербродом в руке.

– Нет, не в том плане, что я тебя гоню... живи, сколько хочешь. Вот только он так просто не отстанет... я знаю таких. Он тебя не любит, Женька, но он считает тебя своей собственностью. А свое он никому не отдаст. И сюда будет ходить, как на работу... ладно, сегодня один, но с него станет нанять кого-нибудь, чтоб дверь вышибли и...

...Дверь в Ларискину квартиру была хлипкой.

– ...или еще чего придумает. Сама же говорила, что твой псих с фантазией.

– Он не...

– Псих, Женька, как есть псих... помнишь, в прошлом году у меня машина сгорела?

Женька кивнула. Старенький «Форд» был подарком родителей, и Лариска машину любила.

– Твой ко мне подкатывал. А я его послала... точнее, посылала раз за разом. Он и пригрозил, что это мне боком выйдет. А на следующий день – машина сгорела... и не говори, что

совпадение... еще через день меня в метро порезали... пальто мое, новое, в мусор ушло... придурки какие-то дверь краской облили... и я ему позвонила. Он довольный был, с ходу пообещал все мои... трудности финансово разрешить. А я сказала, что если он не угомонится, то тебе пожалуюсь...

– Ты мне...

– Ну да, не говорила, – Лариска пожала плечами. – Не хотела расстраивать... ты ж в рот этому придурку смотрела. Вот и подумала, что если скажу – поссоримся. Ну его... в общем, он только посмеялся... и сказал, чтоб кобениться перестала. Такой вот... аристократичный слог.

Кобениться.

Перестала.

Женька повторяла эти два слова про себя, вписывая их в новую реальность, которая вдруг появилась, такая, разительно отличающаяся от старой, где драгоценный и вправду был центром мира.

– Ну тогда я Ромке позвонила. Ты ж помнишь Ромку?

Женька кивнула, не способная произнести и слова. Ромку она помнила, как не запомнить. Ларискин троюродный брат отличался весьма характерной внешностью. Человек в целом мирный, он был огромен, широкоплеч, носил кожанки и голову обривал налысо.

– Ромка с ним по-свойски объяснился... ну и этот твой отстал... даже компенсацию выплатил, – Лариска вдруг шмыгнула носом. – Я тогда знаешь как испугалась?

– Не знаю...

– И я не знаю. Я спала со скалкой под подушкой, даже когда Ромка... все равно, со скалкой, а это неудобно и... и вообще, Женька, ну зачем ты с этим придурком связалась?

– Так разве я знала?

Цветы и конфеты. Слова, которые драгоценный умел подбирать. Предложение жить вместе и томительное ожидание, когда за этим предложением последует другое. Свадьба, платье, кольца... родители бы, наконец, успокоились...

– В общем, я чего хотела сказать, – Лариска резко перевернула чашку на блюдце и постучала ногтем по дну. – От тебя он так просто не отстанет. Я на таких психов насмотрелась. Они думают, что раз женщину содержали, то она им принадлежит... и бесятся, когда та сбегает.

Женька вздохнула.

Вернуться? И притвориться, что ничего не было? Он станет вести себя аккуратней, но изменять продолжит, а она теперь будет знать и про измены, и про пощечину не забудет.

– Здесь оставаться тебе нельзя. И к родителям тоже нельзя, у них он в первую очередь искать станет... – Лариска подняла чашку и уставилась на черную жижу, точно и вправду надеялась получить ответ. – А вот дача... про дачу ты этому убогому не рассказывала?

Женька мотнула головой. Вроде бы нет.

Давно, еще когда сказочный роман только-только начинался, она пыталась говорить с драгоценным, рассказывать ему о своей жизни, о друзьях и подругах, обо всем, что Женьку окружало. Ей казалось, что если двое любят друг друга, то должны делиться всем. А ему это было не интересно.

Он так и сказал:

– Ты милая девочка, но прости, мне это не интересно.

И Женька еще обиделась, но потом подумала, что он и вправду старше, выше глупых ее проблем, которые и не проблемы вовсе, а мелочи жизни. А еще драгоценный много работает, устает, и с ее стороны просто непорядочно не позволять ему отдохнуть.

– Хорошо, если так, – Лариска отодвинула чашку. – Официально дача за тетей Люсей числится, а она – уже год как в Австралии...

– Да?

– Замуж вышла. Я тебе не говорила?

– Нет.

...В последний год встречались редко. Драгоценный был против встреч с Лариской, называл ее хабалкой, а порой, разозлившись, и того хуже. Женька заступалась.

Вспыхивала ссора.

Женька ненавидела ссоры, оттого и встречалась с Лариской тайком, впопыхах, успевая лишь перекинуться парой-тройкой фраз... и наверное, рано или поздно, но и эта связь оборвалась бы.

– В общем, замуж она вышла, а дачу на меня оставила. Я там раз в полгода появляюсь... посидишь с месяцок, глядишь, у этого пыл остынет. Найдет себе новую дуру и успокоится.

– А если не найдет?

– Найдет, – Лариска была более чем уверена. – Он же один жить не умеет. Да и через месяц видно будет... слушай, а ты покойников боишься?

– Я? Нет...

– Замечательно. Будет тебе и работа...

...Улыбнулась Ларка как-то нехорошо.

Девушка очнулась от холода.

Она хотела закричать, но из горла вырвался сдавленный сип. Рот был заткнут мягкой тряпкой. Девушка дернулась, чтобы вытащить ее, и поняла, что руки ее прикручены к подлокотникам кресла. Босые ноги упирались в холодную плитку. Над головой покачивалась лампочка на витом шнуре, желтая, как яблоко. И от яркого света у девушки начала кружиться голова. Наверное, если бы не веревки, она бы упала.

Где она?

В комнате. В огромной комнате, выложенной белым кафелем.

Пустой.

Это сон. Страшный сон, вот сейчас она откроет глаза и очнется...

...Где?

В кафе. Точно. Она договорилась о встрече в кафе...

...С кем?

С Минотавром. Нет, конечно, у него и человеческое имя имеется, к примеру, Стас... ему бы пошло, и это имя ей нравилось, или вот еще Александр... но в сети все скрываются под никами, и Александров, Сашек, Сашунчиков – сотни, а Минотавр один.

...Он не пришел?

В голове сумятица, в висках бьется пульс. Больно. Потереть бы, это всегда помогало с болью справиться, но руки-то связаны... Господи, во что она вляпалась?

Девушка застонала. Вечно у нее все не так, как у людей. И все ж в сети знакомилась. А он сам ей написал. Сказал, что фотка понравилась и что у нее глаза волшебные. Ей так понравилось, про глаза...

Она всхлипнула, проклиная тот день, когда ответила на письмо.

Слово за слово.

Он был таким умным... внимательным... он готов был слушать, а она – говорить, ведь раньше никто никогда не относился к ней так, будто она... единственная.

Он так и писал, «моя единственная». Ей же казалось – он выдумка, фантазия... как можно влюбиться в фантазию? Обыкновенно. И когда Минотавр предложил встретиться, она не стала раздумывать.

Кафе. Полдень. Что может случиться в кафе в полдень? Среди людей и солнца... почему-то ей представлялось, что все зло происходит исключительно под покровом ночи. Да и не было мыслей, что он опасен.

Это ведь Минотавр, человек, который сказал, протягивая букет багряно-красных роз:
– В жизни ты еще лучше.

Он сам оказался... обыкновенным? Пожалуй. Нет, не урод, и ему действительно за тридцать, и выглядит он на свой возраст. Красив? Наверное, правда, она воображала его иным, а этот... простоватый. Но улыбка хорошая, добрая.

И розы.

Ей никогда прежде не дарили букетов, чтобы с трудом в руках удержать.

– Сколько здесь? – она бралась пересчитывать цветы и путалась, начинала сначала, за этой нелепицей пытаясь скрыть волнение.

– Три дюжины, – ответил он. И руку протянув, предложил: – Пойдем прогуляемся.

А она согласилась.

И что... путается все. Она помнит городской парк и... уже вечер? Ну да, осенью рано темнеет. Фонари загорались, и она еще сказала, что это очень романтично – гулять вечером в парке. А он засмеялся таким странным хрипловатым смехом, ответил:

– Ты себе не представляешь, насколько...

Дальше что? Аллея... и еще одна. Он уводил в боковые, пустые, и она шла, потому что рядом с ним чувствовала себя спокойно. Это ведь Минотавр! Был старый мостик со ржавыми перилами, и поцелуй, от которого закружилась голова.

– Выпей.

Протянутая фляжка. И ее нервный смех. Горечь коньяка... а потом провал. И девушка застонала от обиды. Предатель!

...Маньяк.

Девушка рванулась, задергалась, сиюсь выбраться из ловушки, но веревки держали крепко. Она и закричать-то не могла, кляп во рту мешал.

Плакала.

И замерла, услышав шорох открывающейся двери.

– Очнулась? – сухой незнакомый голос. – Это хорошо, что ты очнулась. Это значит, что ты сильная...

Она видела ноги в дорогих остроносых ботинках, начищенных до блеска. Они тускло мерцали в ярком свете лампы. И цокали, точно копытца.

Минотавр спускался.

Он явно не спешил, позволяя любоваться собой.

Маньяк... маньяки должны быть другими, не такими... обаятельными... обыкновенными... на нем джинсы и серый свитер. И еще маска, детская, дешевая.

Бык.

– Поговорим? – рука в тонкой хирургической перчатке коснулась щеки. И девушка торопливо закивала. Говорить.

Она читала, что если с похитителем говорить, то он проникнется к жертве сочувствием и тогда не убьет... и быть может, все совсем не так, как ей представляется? Может, он просто любитель экстрима и дурных шуток? И сейчас рассмеется, скажет, что разыграл...

Он вытащил кляп и прижал к губам девушки горлышко фляги, заставляя глотать сильно разбавленное вино. Но пить хотелось, и она жадно пила.

– Вот так-то лучше, – он погладил по волосам. – Ты не кричишь.

– Я... не буду кричать.

– Будешь, – как-то устало, равнодушно даже заметил он. – Все кричали, и ты станешь...
...Все?

Нет, не думать, не позволить страху лишиться себя разума. Он просто запугивает... ненормальный... и говорила же мама, что сеть до добра не доведет. А она смеялась, мол, нельзя бояться того, чего не понимаешь. Оказывается, можно. До колик в животе, до дрожи в коленях, они и теперь тряслись, пусть даже ноги ее были прикручены к стулу.

– Мы... – она облизала губы. – Поговорим?

– Поговорим, – охотно отозвался Минотавр.

– Зачем ты меня украл... я тебе понравилась?

Смешок.

– Нет, я понимаю, что я далеко не красавица, но если ты меня украл, то значит, я тебе понравилась?

Он фыркнул, но ничего не ответил. Духи у него хорошие, свежие, с терпковатым кедровым ароматом.

– Ты забавная, – он погладил щеку. – Остальные плакали. А ты говоришь...

...Потому что, быть может, это – единственный ее шанс. Говорить. Рассказывать о себе и заставить его сочувствием проникнуться.

– Как тебя зовут? – он накручивал на палец ее волосы.

...Она давно хотела стрижку сделать, но мама была против. Волос жалко. Сначала обрежешь, а потом не отратишь. Они же мешали, вечно путались, сбивались в колтуны, и расчесывать приходилось по часу. От тяжести кос голова болела...

– Анна.

– Анна... Аннушка... Анечка, – он перебирал варианты ее имени, точно пробуя все его оттенки на вкус. Нет, все-таки жуткий. И маска эта... идет бычок, качается, вздыхая на ходу...

– А... а тебя как зовут?

– Минотавр, – охотно ответил он. – Анечка, ты знаешь, кто такой Минотавр?

Она помнила что-то. Детство и серая книжка с мифами про богов... и про минотавра там тоже было, но что именно?

– Современное поколение... – он потянул за локон, и Аня наклонилась. – У вас доступ к целому миру информации, но вам не интересно.

– Расскажи.

– О чем?

– О... о минотавре.

Волосы выпустил и сел, прямо на белый пол, ноги скрестил по-турецки, ладони на колени положил, а джинсы дешевые, потрепанные. И свитер старый... но вот туалетная вода и ботинки... Аня скосила взгляд, примечая, что каблуки подбиты металлическими подковками.

– Рассказать, значит... пожалуй, расскажу...

...Маска-маска... зачем маска, если она лицо видела?

Боже, он ведь знает, что Анна лицо видела. И не отпустит... он не дурак, и тогда... тогда зачем маска? И почему он не помнит ее имени? Анна ведь представлялась.

– Давным-давно, – он начал рассказ, будто сказку, – мир был иным, и боги часто спускались к людям. Порой они принимали обличья вовсе не человеческие...

Его голос стал иным, мягким, вкрадчивым.

Он смотрел на Аню сквозь прорези в маске со странной любовью, с нежностью даже.

...Не бояться. У нее есть шанс, она ведь жива, и значит, шанс есть. Вот только руки надежно прикручены к креслу. И ноги. И вообще не сдвинуться.

– Я... я знаю, – Аня сглотнула вязкую слюну. – Зевс похитил Европу, превратившись в быка.

– Умничка, – совершенно серьезно похвалил ее Минотавр.

– А еще он... он кажется, лебедем был.

– И золотым дождем. Зевс отличался редкостной любвеобильностью, но к нашей истории он отношения не имеет...

Безумец.

И веревки, как ни пытается она ерзать, надежны. А Минотавр смотрит на жалкие эти попытки освободиться и улыбается, едва ли не в голос смеется, скотина этакая.

– Минотавр – это наказание людям, напоминание о жадности их. Царь Минос однажды решил обмануть бога... неразумно, правда?

Аня кивнула.

Неразумно... господи, если она живой выберется, то в жизни в сеть не заглянет. И страницу свою на сайте знакомств удалит, и ту, которую в Одноклассниках... и вообще в монашки уйдет.

– Так вот, этот царь забрал быка, предназначенного Посейдону, себе. И тогда Посейдон разгневался. Полагаю, дело было вовсе не в быке. Люди не должны покушаться на то, что принадлежит богам. Знаешь, как Посейдон наказал царя?

Аня помотала головой, и человек в маске засмеялся низким хрипловатым смехом.

– Он насрал на жену его противоестественную страсть к тому самому быку... что морщишься? Неприятно думать? О да, царь, полагаю, тоже был не в восторге. Наверное, он пытался жену образумить, но где ему спорить с богами? И безумная царица обратилась к гению Дедалу... ни о чем не говорит это имя?

– Н-нет...

– Жаль, ты мне казалась более образованной. Ничего, мы все исправим. Правда?

Аня закивала головой: конечно. Если ему хочется, она исправится, она будет много читать, в библиотеке поселится, лишь бы получить свободу.

– Умница моя, – восхитился Минотавр. – Я в тебе не ошибся. Итак, Дедал, который наверняка сам был слегка сумасшедший, но все же гений, сделал деревянную корову, в которую царица забралась...

...Гадость, гадость, гадость...

Улыбаться. Слушать, всем своим видом изображая величайшую заинтересованность.

– От связи с быком и родился минотавр, чудовище с телом человека и головой быка. Вид его был столь ужасен, что Минос приказал убрать младенца с глаз долой. И тот же Дедал выстроил под дворцом лабиринт, в котором Минотавр и жил. Ему отправляли осужденных преступников, а позже – и дань, которую платили афиняне, прекрасных юношей и девушек... печальная история, – ее похититель подался вперед, убирая длинную прядь. – У тебя красивые волосы. Мне нравится, что ты их не красишь. Современные женщины косметикой злоупотребляют. Красота должна быть естественна, как у тебя. Боишься?

Аня кивнула.

– Правильно, – совершенно серьезно ответил Минотавр. – Но успокойся, я не собираюсь тебя убивать. Пока...

Очаровательное уточнение. И все-таки дышать стало легче. Немного.

– На самом деле есть и другая версия легенды, куда более прозаическая, – Минотавр плавным движением встал на ноги. – Тавром звали начальника охраны Миноса, человека чудовищной силы и чудовищной жестокости... но это ведь неинтересно, да?

И Аня, не смея отвести взгляда, кивнула.

До деревеньки Натан Степаныч добрался на подводе. Станция, дымная, прокуренная насквозь и похожая сразу на все местечковые станции с их неопрятностью, сонными мухами и пьяноватым зрителем, каковой выходил встречать поезда, осталась позади.

Там Натан Степаныч прохаживался вдоль рельсов, вдыхал смолистый сосновый аромат и спину разминал – затекла.

Думал.

Имелась за ним подобная привычка, вызывавшая немало смешков коллег и начальственного сдержанного недоумения, – думать на ходу. И не то чтобы, скажем, сидя ему вовсе мысль в голову не шла, но скорее уж само тело, немалодое – сорок седьмой годок пошел – много на веку повидавшее, стоило присесть, начинало напоминать о своих болячках. Прихватывало спину, и старая рана, давно, казалось бы, изжитая, просыпалась, вызывая судорогу, отчего левая нога подергивалась мелко, суетливо. А сие никак не вязалось с обликом следователя.

Облику своему Натан Степаныч придавал важнейшее значение, оттого по прибытии долго разглядывал себя в крохотное зеркальце, ровнял соломенные усы и воротничок рубашки выправлял, галстук... он знал, что несмотря на все старания выглядит весьма простовато, обыкновенно и некогда терзался этим, гадая, как сложилась бы жизнь, если бы Господь даровал ему не только разум, но и внешность яркую, располагающую... глядишь, и не отказала бы ему Алевтина Михайловна...

Спрятав зеркальце и окончательно совладавши с предательницей-ногой, Натан Степаныч огляделся. Ушел поезд, остановившийся в сей глуши на полторы минуты, каковых только и хватило, чтобы спрыгнуть на песчаную насыпь. И станционный смотритель, проводивший его мутным взглядом, вернулся к себе. Ожившая было станция вновь погрузилась в ожидание. Тихо переругивались бабки-лоточницы, выясняя, у кого ныне пирожки вышли лучше, и худоватый человек в коричневом пиджачишке вновь и вновь перелистывал затертую до дыр газету. Крестьянское многочисленное семейство сидело по лавкам, и глава его, седой, но крепкий еще мужик, чего-то там у смотрителя допытывался. Смотритель отмахивался. Рыжая курица пыталась выбраться из корзины, и девчонка с длинными белыми волосиками тыкала в нее палкой, приговаривая:

– Сиди, сиди...

– Этак ты ее только напугаешь, – сказал Натан Степаныч. – Ты ее погладь...

– Так она клюется, – возразила девчонка. И рядом тотчас появилась женщина в черном вдовьем платке, наброшенном на поредевшие волосы.

– Аська! – она дернула девчонку за косицу. – Тебе что было велено?

– Не ругайте девочку, милейшая, – Натан Степаныч улыбнулся, он знал, что улыбка его лишена всяческого очарования, и что само лицо, строгое, грубоватое, с крупными чертами, производит впечатление отталкивающее. – Вы лучше подскажите мне, как до Новых Козлов добраться.

Женщина уставилась на него, шевеля губами. Староверка? Не понять... если так, то разговаривать не станет.

– Так... по дороге... вон тама и начинается...

Дорогу Натан Степаныч и сам приметил, обыкновенную, песчаную, местами – с красноватыми проплешинами глиняной шкуры, с намертво выбитыми колеинами, в которых, надо полагать, по осени набирается вода. Дорога сия уводила в лес, начинавшийся с полупрозрачных нежных березок, но за ними проглядывали темные громадины елей...

– И далеко?

Женщина вновь задумалась.

– С три версты...

Далеко. В прежние-то годы три версты не были расстоянием для Натана Степаныча, случалось ему хаживать и поболе, однако когда то было? Уж верно, не теперь, когда спина все еще ноет, а предательскую ногу мелко подергивает. И ботиночки-то на нем

новые, купленные в дорогой обувной лавке, жмут невероятно. Захотелось пофорсить дурню старому...

Он вздохнул, представив, как будет идти, нести палевый свой чемодан с блестящими латунными ручками, не тяжелый – в нем всего-то две смены белья, запасной костюм, несесер со всякой мелочью и записная книжка. Однако Натан Степаныч знал подлое свойство дороги, когда с каждым пройденным шагом самая легкая ноша тяжелеет...

– А вам чего там? – поинтересовалась женщина, вздыхая.

До вечернего состава было еще часа три... скучно.

– Мне не туда, мне в усадьбу княжескую, – ответил Натан Степаныч, доставая кисет с табаком и бумагу. Папироску скрутил быстро, ловко, и в этом было свое удовольствие, не понятное нынешним любителям сигарет. Быть может, сразу в пачке и проще покупать, однако же разве возможно в тех, машинами сотворенных, папиросах сохранить живой табачный аромат? И само это ощущение, полупрозрачного лепестка бумаги, что ложится на ладонь, сбившегося табака, который надобно размять пальцами, разве оно само по себе не часть древнего ритуала курильщика?

Однако же от взгляда Натана Степаныча не ускользнуло, сколь переменялась женщина при упоминании усадьбы. Побледнела. Помрачнела и сделала попытку отступить, но была остановлена взмахом руки.

– Следователь я, – спокойно сказал Натан Степаныч и представился, как водится, по имени и отчеству. – Послан разобраться в... смерти князя Тавровского.

Мутное дело, непонятное, с мерзковатым душком подтухшего мяса, которое, отерев промасленной тряпичей, норовили всучить за свежее. Сие еще одна привычка Натана Степаныча, появившаяся на склоне лет. Порой дела, самые обыкновенные дела, будь то драка кабацкая или же побои, которыми пьяный супруг жену награждал, или вот убийство, вызывали в воображении его престранные картинки, каковые, по словам молодых и ученых коллег, именовались ассоциациями.

Некто даже пошутил, что, дескать, воображение у Натана Степаныча живое, с таким только полицейские романы писать.

А хоть бы и так.

Воняло дело.

И началось все с вежливой начальственной просьбы. А начальство Натан Степаныч уважал, оно же ценило его, порой в редких приступах откровенности жаловалось на неспособность молодежи к работе, на ее пустоту душевную. И в том виделось особое доверие, обмануть которое не хотелось бы.

– Натан Степаныч, – обратилось начальство, – ты, помнится, давно в отпуске не был?

– Давно.

Семь лет, с той самой поры, как ответила Алевтина Михайловна на робкое его предложение решительным отказом. К чему ему отпуск? В его одинокой, лишенной надежды на перемены жизни, только и осталась, что работа. Ко всему ее, пусть грязную, беспокойную, Натан Степаныч любил.

– Просьба у меня к тебе будет, – начальство прикрыло дверь и покосилось на портрет государя, будто даже за ним, венценосным, подозревало склонность к подслушиванию. – Был у меня старый друг... служили вместе. Потом жизнь развела, меня – сюда, его – отсюда... но переписывались, держались... он мне как-то помог крепко, а долг, сам понимаешь... да и человек он хороший.

Начальство испустило тяжкий вздох.

– Написал он мне. Просил о помощи. Неладное что-то там у него творится. Я хотел сам съездить, разобраться, да... опоздал, Натан Степаныч. Умер он.

– Убийство?

– Да вот... как сказать. Дело-то и вправду мутное. Нашли его рядом с кладбищем. И будто бы умер он со страху, а Алексей в жизни ничего не боялся, более бедового человека я не знаю. Мы на границе вместе с ним были... под обстрелом танцевал... а тут кладбище деревенское. Чего там испугаться мог? Да так, чтоб сердце стало. Оно у него здоровое, я помню, как он хвастался, дескать, Господь только и дал Тавровским, что отменное здоровье и долголетие... пишут, что в карты проигрался, а я знаю, что даже в молодости, когда играют все, Алексей за карточный стол не садился.

Начальство терло руки, точно соскабливая грязь.

– Натан Степаныч, сие просьба, не приказ, и ежели откажешься, то я пойму. Повода дела открывать у меня нет, однако и бросать не хочется. Чуется, мутно все... кого другого не послал бы. У этих, нынешних, никакого разума, никакой тонкости. Только и способны, что доклады писать да жаловаться... тьфу.

И стоило ли удивляться, что на просьбу начальства Натан Степаныч ответил всем своим согласием? Не только из боязни, что отказом оное оскорбится, сколько искренне желая помочь. Да и еще одна странность возникла за ним в последние годы, полюбились Натану Степанычу непростые дела, чтоб с заковырочкой, с тайным скрытым смыслом, со страстями, каковых, должно быть, в пустой его жизни не хватало. Вот и отправился он, будто бы в отпуск, а на деле – в усадьбу княжескую, с письмом рекомендательным и двумястами рублями серебром, выданными на расходы.

– Нехорошее место, – сказала баба, более не делая попыток сбежать. Она замерла, уставившись на Натана Степановича круглыми глазами, сделавшись вдруг похожей на ту самую рыжую курицу, которая ноне в корзине сидела смирно.

– И чем нехорошее? – поинтересовался Натан Степаныч.

– Нечистое.

Показалось ненадолго, что более ничего случайная эта свидетельница и не скажет, однако женищина, воровато оглядевшись, поманила Натана Степановича за собой.

Отошли недалече.

– Если Васька спрашивать станет, вы ему скажите, что дорогу показывала... и про то, к кому на постой можно пойти, – попросила она, – а то он не любит, когда...

– Конечно.

Васька, видимо, тот самый мужик с кустистыми бровями, замерший у самых рельсов, поглядывал с недоверием, но беседе не мешал.

– Проклятые они, – с чувством произнесла женищина и прижала сухие руки к груди. – Старый-то князь, пусть и бают, что ведьмаком был, но человечным, добрым, а нынешние – все проклятые... они-то князя и сгубили.

– А поподробней можно?

Подробностей у Зинаиды – так звали свидетельницу – отыскалось превеликое множество, о них-то, а еще о письме князя Алексея Тавровского, которое начальник позволил взять с собою, и думал Натан Степанович, сидя на подводе. Споро стучала по наезженной дороге косматая лошадедка, дремала на копне сена старая собака... Новые Козлы приближались, а с ними, чуял Натан Степанович, приближались и собственные его неприятности.

Чем дальше, тем сильнее становился запах тухлого мяса.

А может, и вправду роман попробовать написать? Не славы ради или денег, но чтобы занять пустоту сердечную?

Ах, Алевтина Михайловна...

Иван пил.

Он помнил, что начал еще на похоронах, а то и раньше. Точно, раньше, когда Машка пропала. Он разозлился и запил, назло ей.

Вот чего ей не хватало?

Об этом Иван спрашивал у отражения, потому как в одиночку пьют только алкоголики, а он не алкоголик, у него настроение. Настроение это держалось до полуночи, и Иван успел ополовинить бутылку с коньяком, кем-то подаренную. Так уж вышло, что алкоголь дарили часто, а еще конфеты, будто он баба. Машка же вечно на диетах сидела, вот и скопились в доме немалые запасы.

К счастью?

Смешно думать о счастье, когда такое произошло... нет, Иван тогда не упился вусмерть, напротив, возникла у него безумная идея Машку найти и попросить прощения. Правда, Иван опять не чувствовал себя виноватым, потому как от рождения черствостью отличался, неспособностью понять движения тонкой Машкиной души. И он, отставив недопитый коньяк – а закусывал конфетами и вроде ничего так было – принялся обзванивать Машкиных друзей.

Врали. Говорили, что была... пила чай... и только-только уехала... в телефоне же батарея села... жалкие попытки прикрыть, но от чего?

Сами-то, небось, названивали...

Не дозвонились.

Машка не явилась и к утру, чего за нею прежде не водилось. Ссора ссорой – ругались, следовало признать, часто – а здравый смысл здравым смыслом. Вот куда она пошла? К родителям? Так они в другом городе обретаются, и о них Машка вспоминала редко. К подругам? Всех вроде обзвонил, стервы порядочные, это да, но вот навряд ли согласятся Машку приютить на день-другой.

Номер в гостинице сняла?

Квартиру на сутки? На это Иван надеялся, злость и обиду давил, и коньяк убрал, потому что работать надо. А для работы требуется голова чистая и ясная, прозрачная, как любила выражаться Машка.

Он ждал.

Названивал каждый час, а равнодушный голос в трубке отвечал, мол, абонент временно недоступен. И ему бы в полицию, да с заявлением... панику поднять, а он ждал.

Дождался вечера и только тогда отправился, потому что знал Машку. Вспыльчивая она, но отходчивая, и сутки где-то пропадать – это на нее не похоже... вот только не поверили.

– К любовнику поехала, – шмыгнул простуженным носом молоденький дежурный. – Или по подружкам прячется. Не волнуйся, сыщется твоя краля.

Сыскалась.

Почти через две недели сыскалась, когда Иван уже сам понял: произошло непоправимое. И это понимание мешало спать. Он ложился, закрывал глаза, притворяясь спящим, но сон не шел, и Иван вскакивал с постели, принимался мерить спальню шагами, выбирался на кухню, садился и курил в открытую форточку.

Машка раздражалась, когда он курил. Курение – это плохо. И Ивану следует бросить, заняться собой, спортзал начать посещать, а не только баню с друзьями... и он, давя окурочку в фарфоровом блюдце, поневоле прислушивался, вдруг да раздастся звенящий Машкин голос.

Тишина.

И тапочки ее на каблучках, с розовыми помпонами тихо стоят в углу. Он не убирал ни тапочки, ни халатик с такими же помпонами и мехом, тоже розовым. Ни забытую на столе помаду... пудреницу приоткрытую...

Все было прежним. Только Машка пропала.

Но однажды зазвонил телефон, не сотовый, стационарный древний аппарат, о существовании которого Иван успел позабыть.

Пригласили на опознание.

Тогда он снова достал бутылку коньяка и хлебнул из горла, понимая, что не опьянеет. Одевался тщательно, словно это могло что-то изменить, и ехал, твердя про себя, что это ошибка.

Просто положено так.

Городской морг, расположенный на территории больницы, запомнился острым запахом формалина. Белый кафель, санитар. Тело, прикрытое простыней.

Машкино.

Несомненно, Машкино... но мертвая, она не походила на себя, и Иван долго пристально вглядывался в ее лицо. Хотел прикоснуться, а ему не позволили.

Острые скулы и слегка скошенный подбородок, нос, который она сама считала некрасивым и всерьез задумывалась о ринопластике, вот только Иван был против. И они снова ссорились. Машка не понимала, как можно любить ее вот с этим некрасивым носом. А Иван пытался сказать о том, что начиная себя менять, люди не способны остановиться.

А на щеке у нее царапина виднелась.

Иван спросил, откуда она, но ему не ответили. Он словно перестал быть, исчез, что для санитара, что для полицейского, которому всего-то требовалось подтвердить, что неопознанная гражданка является Маргаритой Алексеевной Рудиенко.

Машке ее имя тоже не нравилось. Тяжеловесное. Она же с рождения не любила тяжеловесности, о чем еще при первой встрече Ивану сказала. Господи, это ведь было совсем недавно, какие-то два года... почти три, Иван кольцо купил.

...В первый раз он забыл о дате, в клинике задержался, и Машка обиделась. Она ведь отсчитывала дни и даже на каком-то форуме поставила линейку, чтобы все видели – у них с Иваном все всерьез... а он взял и забыл. Пришлось просить прощения, с цветами и рестораном.

На второй год он подарил ей цепочку с подвеской и, наверное, опять сделал что-то не так, потому что Машка подарок приняла с вежливой прохладцей. А сейчас вот кольцо купил.

Ресторан заказал.

И букет из пятидесяти белых роз. Ему сказали, что это – романтично, полсотни роз и кольцо... Машка ведь заговаривала о том, чтобы отношения оформить, а он чего-то опасался, тянул. Об этом думалось по дороге домой. И дома тоже, в пустой прокуренной кухне. Иван открыл форточку и достал новую бутылку...

...Машка выбрала себе платье, но, конечно, она бы передумала и снова стала выбирать. Это женский ритуал, в котором значение имеет не столько результат, сколько процесс.

Платье. Туфли. Чулки с обязательной подвязкой и еще букет невесты. Ресторан, спикер гостей. Она заговаривала о чужих свадьбах с таким неприкрытым восторгом, что Ивану становилось совестно. Он восторгов не разделял и, наверное, еще поэтому медлил, из-за свадьбы, которую придется пережить, как переживают стихийное бедствие...

Не свадьбу – похороны.

Звонок родителям... и Иван еще не настолько пьян, чтобы ему было все равно, что говорить. Он и говорит, а ему не верят. Потом верят и проклинаят, хотя он точно не виноват... наверное, не виноват... подруги по списку. И слезы, вздохи, ахи, любопытство, которое он не способен удовлетворить.

Недовольство.

Почему он, Иван, не выяснил, что произошло?

И вправду, почему? Это ведь не так сложно. Но на его вопросы следователь не отвечает, взгляд отворачивает и бормочет что-то невнятное, обещая разобраться. С кем?

...Приезжают в клинику, долго разговаривают с персоналом, отчего Алла Петровна, старшая медсестра, хватается за сердце и сердечные капли. Она – человек трепетный, и сама мысль, что Ивана Никифоровича подозревают в подобном, приводит ее в ужас. А его и вправду поначалу подозревают, но как-то невсерьез что ли... и в кои-то веки Ивану везет. Алиби есть. Он на операции был...

...А Машку убили.

Странно. Он понимал, что она умерла не сама, но почему-то думал о несчастном случае. Не об убийстве. И когда от него отстали, Иван потянулся за записной книжкой.

...Ольга Александровна, супруга начальника полиции, делала у него подтяжку, и к просьбе его отнеслась со всем пониманием, и стало быть, не только она, если утром у Ивана лежала копия дела. Правда, он понятия не имел, для чего, и когда взъерошенный и явно недовольный следователь сказал:

– Не лезли бы вы.

Иван ответил кивком: понимает и не полезет. Ему просто нужно знать.

Заключение судмедэксперта он читал и перечитывал, пытаясь отрешиться от того, что видел за словами. Колотые раны... резанные раны... неглубокие, на запястьях, на предплечьях, словно кто-то покрывал кожу Машки своеобразным узором.

Фотографии, от которых к горлу подкатывает тошнота.

И этот узор въедается в память, чтобы вернуться в снах. Сны короткие. Иван держится на ногах день и еще день и все-таки отключается, порой за столом, однажды и вовсе обнаружил, что лежит на диване, забравшись под плед, Машкой же купленный.

...Фотографии лежали на полу. И отчет, зачитанный до дыр.

...Изнасилование.

...И семь глубоких проникающих в брюшную полость ранений.

...Потеря крови...

Ей было больно, а Машка боялась боли, и только это останавливало ее от ринопластики. Она бы к другому специалисту обратилась, но вот читала, что ринопластика – это больно, а лекарства не всегда спасают...

Сейчас Иван сделал бы все, что она хотела. Нос? Пускай. Подбородок с ямочкой? Да. Блефаропластика? Как угодно... он бы кроил и перекраивал ее лицо, тело по Машкиному желанию, лишь бы сама она, упрямая женщина, была жива.

Иван плохо помнил похороны. Родители остановились у Машкиной подруги, и та, наверное, рассказала что-то такое, отчего Машкина мама бросилась на Ивана с кулаками. Она стучала по груди, рыдала, выкрикивала проклятия, а Иван думал лишь о том, что Машка пошла в отца. Такая же высокая.

Смуглая.

Она не заслужила такой смерти.

За Машкиными вещами приехала подруга, та самая, которая носила звание лучшей. Она громко сочувствовала и вещи собирала как-то очень уж долго, перемежая сборы с перебивками на кофе. Пыталась напоить Ивана, и он пил, сдабривая кофе коньяком. Подруга вздыхала, гладила его по руке, заглядывала в глаза и говорила, что время лечит, что ей тоже очень Маргошеньки не хватает...

...Машка не любила свое имя, не объясняя причин, просто требовала называть ее Машкой.

А потом подруга уехала, и Иван стал пить.

Кажется, звонили из клиники, предлагали отпуск, и он согласился. Приходили. Пытались встряхнуть, не то сочувствием, не то разговорами, от которых саднило в горле, и приходилось снова пить, уже здоровья ради.

Коньяк. Конфеты.

Иногда ром.

И снова конфеты или шоколад, вкус которого Иван начинал ненавидеть. Сухой хлеб. Сыр заостеневший. И события той, давней ночи, когда они поссорились.

Машка хотела машину. Она ведь училась на права, долго, целых три месяца училась. И сдала, между прочим, с первого раза. Теорию. С вождением сложнее, но Машка старалась.

И машину заслужила.

Разве нет?

Иван был против. Нет, не потому, что денег жалко, деньги были, и на машину хватило бы, но зачем ей, если он и так Машку возит куда скажет? Она чувствует себя зависимой? С каких это пор? И вообще на дороге небезопасно. Даже если Машка научилась водить, в чем он сильно сомневается, там хватает иных, тех, кто водить не научился... и ему не хотелось бы думать, что Машка попадет в аварию...

Ивану собственные аргументы казались вескими.

Машка отвечала слезами. И это ее вечное, «ты меня не любишь», больше напоминающее шантаж. Любит, поэтому и не купит, и плевать, что у всех ее подруг есть, и только Машка без машины. Подруги – вовсе не причина... хотя как раз-то они и причина.

Она будет осторожна?

Конечно, первые дня два... Иван видел таких вот, осторожных... где? В отделении реанимации. Он смеется? А разве похоже, что он смеется? Иван предельно серьезен. И ему плевать на всех Машкиных подруг разом. У них есть мнение? Да и на мнение плевать тоже! И на Машку? Нет, на нее не плевать. Он и вправду любит, поэтому пытается удержать от глупостей, пусть Машка и сопротивляется всячески. Он обозвал ее дурой? Когда? Только что?!

Машке надо успокоиться и взглянуть на вещи здраво. И нечего слезы лить... слезы не помогут. Если ей нужен повод перед подругами своими похвастаться, то Иван шубу купит или вот колечко, сережки... на отдых свозит, хотя, конечно, расписание у него плотное, но кое-что он может переkreить.

А она уперлась.

Машина, машина... и голова еще гудела, день был тяжелым. Иван же в принципе скандалы на дух не переносил, особенно затяжные. Вот и рявкнул, теряя терпение, что если Машке нужна машина, пусть сама на нее и зарабатывает.

И от ее слез в туалет сбежал, громко хлопнув дверью. А когда вышел, то оказалось, что Машки в квартире нет. Наверняка тоже подруги уйти посоветовали. Порой Ивану начинало казаться, что эти подруги знают все обо всем, оттого и живет Иван не с Машкой, а с ними.

Безумие.

Коньяк. И хлебная корка, которую он грызет.

В дверь звонят, настойчиво так звонят и не уйдут, пока Иван не откроет. А он откроет, только до двери доберется. Надо же, казалось, что коньяк не брал. А он взял, и теперь пол шатается. Влево, вправо, и хорошо, там стена, о стену опереться можно. И опершись идти. Шаг за шагом, до двери. Цепочку сбросить... и замки открыть. Машка на все запиралась, утверждая, что в городе неблагоприятная криминогенная обстановка. Вычитала же где-то... и права оказалась. Неблагоприятная.

Криминогенная.

– Здравствуй, – за порогом, прижимая меховую сумочку к груди, стояла Машкина подруга. Как ее звать-то?

Хитрое имя.

Доминика?

Валерия?

Нет, иначе... Иллари! Точно, Иллари, Машка ее еще Ларкой называла.

– Я... мне очень нужно с тобой поговорить.

Иван кивнул, покачнулся, но на ногах устоял. Он подозревал, что говорить сейчас не способен.

– Я войду?

Пришлось пропустить.

Высокая, почти с Ивана ростом. Стрижена коротко и волосы торчат перышками. Лицо худое, с правильными чертами, но подбородок, пожалуй, немного тяжеловат. И нос с горбинкой... наверняка она тоже мечтает убрать эту горбинку. Всем кажется, что если исправить что-то в себе, то и жизнь волшебным образом переменится. Она стянула куртку из щипаного меха, оставшись в ярком свитерке и джинсиках, облипавших тонкие Ларины ноги.

– Тапочки... возьми... пол холодный, – надсаженным голосом произнес Иван. И подумалось, что прежде он алкоголиков презирал. Слабые люди, не способные с собой справиться, а теперь вот оказалось, что и сам он ничуть не лучше.

– Ты, вероятно, голоден. Я вот... – Иллария подняла пакет. – Пойдем, погрею... ты давно пьешь?

– Давно. Наверное.

– Ничего, это пройдет.

Хотелось бы верить. На кухне Лара окинула взором руины Ивановой жизни и, хмыкнув, открыла окно.

– Что ты...

– Накурено, – пояснила она. – И бардак невозможный. А тебе надо немного протрезветь. Я кофе сварю. Пьешь?

– Пью, – Иван поднял бутылку, в которой еще оставалось на дне.

– Я не про это, – бутылку забрала, содержимое ее отправилось в мойку, окропив груды грязных тарелок. – Разговор будет серьезный, поэтому, будь добр, посиди и не мешай.

От Лары пахло жасмином, и аромат этот удивительным образом ей шел. А все-таки некрасивая. Несмотря на правильные черты лица, на фигуру, которая почти модельная... модельно-плоская... кажется, Лара пыталась пробиться, Машка ведь рассказывала... а он слушал вполуха.

Точно, не получилось в модели... и она в бизнес пошла. А в бизнесе у нее получилось...

Чем она торгует?

Цветами? Духами? Проклятье, забыл.

Она же, надев полотняный фартук, засучила рукава и принялась за уборку.

Посуду – в посудомойку. Мусор – в мусорное ведро, туда же окурки и пустые пачки. Пепел со стола стряхнуть, и содержимое холодильника спровадить вон. Завязать пакет.

– Вынеси, – Лара сунула пакет Ивану в руки. – Я еще плиту протру и будет более-менее порядок... ненавижу бардак.

Он дотащился до мусоропровода и, кое-как запихав пакет в нутро его, долго стоял, прислушиваясь к шорохам. Воняло картофельными очистками и ацетоном. Странно, но от вони полегчало. А Ларка сварила крепкий кофе со специями.

– Садись и пей, – она сунула под нос чашку. Сама же занялась пакетом, из которого появлялись коробочки с китайской лапшой, кажется, еще уткой, рыбой.

– Зачем ты пришла?

От кофе в голове прояснилось.

– Не надо было? – она пригладила взъерошенные волосы. – На работе сказали, что ты в запой ушел. А запои, Иван, чреваты.

...Машка называла его Ванечкой. Или Ванюшей. Или еще Ивашкой, а Иваном – никогда.

– И в тебе проснулась жалость?

– Во мне? – она хмыкнула.

Сама же чай пила. Зеленый. С жасмином.

...Машка купила целый мешок этого чая, потому что полезен и китайский. Пила, морщила носик и вздыхала, все-таки полезные вещи редко оказываются вкусны.

– Во мне проснулось желание выяснить, кто убил Машку, – чай она размешивала серебряной ложечкой на длинном черенке, не заботясь о том, чтобы ложечка не ударялась о стенки чашки. – Ты ешь, ешь... ты еще пьян, но уже вменяем.

Злая. И некрасивая. В Иване даже профессиональный интерес проснулся, как возможно подобное, чтобы лицо с настолько правильными чертами было таким некрасивым? И горбинку с носа ей убирать нельзя, потому как горбинка эта придает лицу индивидуальность. Убери – и останется просто правильное. Некрасивое.

– Возможно, мне следовало бы вмешаться раньше, – она почесала запястье. Тощая рука, бледная кожа и синие вены.

– И ты ешь.

– Я не хочу.

– Ешь, – Иван встал, в шкафу еще оставались чистые тарелки. – Ты тощая.

– Надо же, мне казалось, что это – мое конкурентное преимущество.

– Перед кем?

– Перед остальными женщинами. Сейчас худоба в моде... – она говорила это с улыбкой, вот только взгляд был напряженным, нервным.

– Наплюй на моду, – посоветовал Иван, подвигая к себе коробку с лапшой. И соус имелся, кисло-сладкий. А ей, должно быть, острый по вкусу. Такая женщина должна любить острую еду. Почему он прежде не обращал внимания на Илларию? Впрочем, как и на остальных Машкиных приятельниц. Много их было, и все казались Ивану одинаковыми, пестрыми, шумными и пустоголовыми.

Девочки-однодневки.

– Иван, я прошу: отнесись к тому, что скажу, серьезно, – она потерла переносицу.

Все-таки очаровательная горбинка.

А есть – не ест, нюхает только, и точеные ноздри раздуваются.

– Я была в полиции... да, меня выслушали, но и только... кажется, им все равно... – она говорила отрывисто. И себя обняла. – Я же хочу, чтобы подонок, который сделал с Машкой такое, был наказан... ты, наверное, не знаешь. Мы ведь с детства знакомы... с детского сада... и в школе за одной партой сидели. Сюда поступать поехали... ну и на подиум. Какая провинциальная идиотка не мечтает о том, чтобы покорить подиум?

Щеки вспыхнули румянцем.

– Не получилось?

– Не получилось, – глухо отозвалась она. – Машку сразу отсеяли, сказали, что фигура не та...

И вправду не та, не подиумная. Машка статная была, крупная, грудь четвертого размера. Ей только нос не нравился.

– А мне предложили попробовать... вот два года я и пробовала.

– А она?

– Училась. Поступила... ты же знаешь, педагогический... младшие классы... по моему, туда всех брали. Родители гордились. Я своим врал. Пока было кому врать.

Она выглядела растерянной и даже несчастной и, словно чувствуя это, злилась.

– Не надо меня жалеть. Спустя два года я поняла, что или брошу, или сдохну. Но, в любом случае, мировая слава мне не грозит. Тогда осталась без денег, без жилья, но с большим желудком и... и куча других проблем имела. Машка меня выручила. Жила у нее... потом кое-как выкарабкалась...

– Долг отдаешь?

– Вроде того. Она хорошим человеком была. Пустоголовая, конечно. И разбаловал ты ее не в меру. Знаешь, она была из тех, кто абсолютно уверен, что заслуживает лучшего...

– А ты?

– А я из тех, кто знает, что лучшее нужно выгрызть. И если уж выгрыз, то держаться клыками и когтями... как-то вот так.

– Грустно.

Ночной разговор, похмельный. И проснувшийся голод заставляет есть все, Лара так и не притронулась. Поймав вопросительный взгляд, пояснила нехотя:

– Мне нельзя. Но я ж не о том... в общем, последние три месяца с Машкой творилось неладное. Понимаешь, я пыталась ее вразумить. Только она не слушала. Ей все казалось, что ты ее недооцениваешь... не видишь в ней личность...

Она встала.

Проблемы с желудком? Хронический гастрит? Или уже язва, которая залечилась, однако осталась, напоминая о бурном прошлом. А она сильная, если сумела остановиться, вырваться.

Лара подошла к окну и присела на низкий подоконник, сдвинула в угол пустой цветочный горшок.

– В общем... Маша встретила одного человека... я не знаю подробностей, но она была от него в полном восторге. В сети познакомились. Он назвал ее Ариадной, ей это показалось безумно романтичным. Иногда она была... бестолковее, чем обычно. Я предупреждала, что переписка эта ничем хорошим не закончится, только она слышать не хотела. Он же родственная душа! А я не понимаю!

– Тише.

– Извини, – она сунула руки в подмышки и сгорбилась. – Я теперь спрашиваю себя, что было бы, если б я не промолчала? Сказала, к примеру, тебе? Пусть не о письмах, а когда они встретились. Это же измена, а я ненавижу вранье... когда за спиной и вообще... хочешь бросить – бросай, а вот так... извини.

– Ничего.

В похмельной голове информация с трудом укладывалась.

– Прошлый месяц, – подсказала Ларка. – Мой день рождения... и ночевка у меня же. На самом деле у меня день рождения осенью.

– И Машка...

– Встречалась со своим... у него ник – Минотавр. А имени она не сказала.

Она потрогала горбинку, точно проверяя, на месте ли та.

– Я просила ее не делать глупостей, потом ведь пожалеет... мало ли в сети проходимцев. Так нет, она горела просто. И если бы я не прикрыла, все равно пошла бы... извини, я понимаю, что это довольно подло, но Машка мне подруга.

А Иван – случайный знакомый.

– В общем, она вернулась утром и совершенно счастливая. Все говорила о том, какой он замечательный, тонкий, понимающий...

Странно, что нет ревности. И обиды тоже нет, хотя должна бы. Машка ему изменяла. Обыкновенная история, житейская... изменяла... Машка.

Не укладывается в голове.

– Они встречались еще дважды или трижды, я не знаю точно. Без моей помощи, если это помощью можно назвать. Она была уверена, что любит его... а я спрашивала, почему тогда тебя не бросает.

Потому что у Ивана были деньги, а у этого ее... Минотавра, не было.

– Она мне отвечала, что еще не время. А потом ее убили.

– И ты думаешь, что сделал это любовник?

Любовник. Мерзкое словечко, которое никак не хочется увязывать ни с Машкой, ни с самим собой.

– А кто еще? Вы ведь поссорились? – Лара сползла с подоконника. – И Машка ушла из дому. Я знаю, что она мне звонила, – были неотвеченные. Я спать уже легла. Со мной иногда случается, что... приступ, и сон – лучшее лекарство. Я тогда звук отключаю.

...Лара не ответила, и Машка, пылая праведным гневом, поспешила к человеку, который, как ей казалось, тонко чувствующий...

А он ее убил.

– Меня допрашивали, – Лара ходила по кухне, заложив руки за спину. – Я рассказала о нем все, что знаю, но знаю я не много. Во-первых, познакомились они в сети. Переписывались. Я читала некоторые его письма, точнее, Машка их мне зачитывала. И ничего в них такого... нет, вру, есть что-то. Он писал то, что женщина хочет услышать.

Она замерла.

– Я еще... с той моей жизни знаю, что когда тебе говорят именно то, что ты хочешь услышать, пора делать ноги. Я пыталась до Машки достучаться, напомнить, что вроде как она с тобой живет...

– Не запомнилось?

– Не запомнилось, – согласилась Ларка. – Тебя ведь часто и подолгу дома нет. И вообще ты, Иван, черствая личность. Скупая на эмоции.

Да? А ему казалось, что у них с Машкой все замечательно. К свадьбе идет... давно идет, но не придет. А ссоры – это мелочь, на самом-то деле какие пары не ссорятся?

– Ты не романтичен, – Иллариya провела ладонями по волосам. – Не обижайся, пожалуйста, я просто пытаюсь тебе объяснить. Машка... она хорошая была, но девочка... то есть девушка... ее всю жизнь холили и лелеяли... и не подумай, что я завидую... черт, а я и вправду порой завидовала. Ей ведь все легко доставалось. А у меня язва и вечные проблемы. Но не в них дело, да? В том, что она быстро привыкала к хорошему. И да, тебя любила, а ты любил ее. Только так, по-тихому, любить скучно. Ей нужны были эмоции, чтобы гореть, пылать и босиком по снегу... она бы побегала и вернулась.

Сбивчивая речь. И лапша закончилась. Курица в кисло-сладком соусе тоже, а Иван не насытился. Он вдруг подумал, что очень и очень давно не ел.

Пил только.

– Иногда проще человеку дать то, что он хочет, чтобы он убедился, что ему это точно не нужно... она поэтому с тобой не рвала. Где-то в глубине души подозревала, что...

– Романтикой сыт не будешь.

Обида? Скорее понимание. И Машка, которая вовсе не Машка – Маргарита по паспорту, искала не светлых чистых чувств, но банальной выгоды. Машины вот или колечка очередного. Колечек у нее целая шкатулка набралась.

– Может, и так. Не мне судить, – жестко сказала Лара. – Но я о нем не договорила. Во-вторых, он немолод, во всяком случае, ему за тридцать точно. Но не старше пятидесяти. Он неплохо изучил женщин, значит, есть кое-какой жизненный опыт. Ну а верхняя планка – элементарное Машкино восприятие мира. Для нее пятьдесят лет – глубокая старость. Романтичный же любовник старым быть не может. В-третьих, он хорошо образован. Он писал ей стихи, не Пушкина, не Лермонтова... испанские поэты шестнадцатого века... но это ладно, он вставлял в письма цитаты, которые смотрелись вполне естественно, на своем месте, а это тоже уметь надо. И еще, Машка у него не первая. Думаю, не последняя.

– Откуда знаешь?

– Что не первая? Старые связи. Четвертый труп за год. А что не последняя, так подобные твари сами не останавливаются.

И поэтому она, черноволосая, взъерошенная, мерит шагами чужую кухню, мнет старый фартук, чересчур большой для нее, пытаясь делать чужую работу.

– В полиции меня выслушали, но... они медленно работают, – Ларка все же села и облокотилась на стол. Тонкие руки, болезненные.

– И поэтому ты пришла ко мне?

– Не поэтому, – она упрямо тряхнула головой. – Погоди.

Неусидчивая женщина, вечно в стремлении, и сейчас сбежала, чтобы вернуться с планшетом.

– Три дня тому назад я зарегистрировалась на сайте знакомств... том, где Машка бывала...

Розовая страница с сердечками и голубями, было в этом рисунке что-то невыносимо карамельное.

– А вчера он мне написал.

...Драгоценная Ариадна, в лабиринте моей жизни мне не хватает твоей путеводной нити. И тьма смотрит на нас глазами чудовищ. Позволь мне стать твоей защитой. Минотавр.

– Красиво, – Иван понятия не имел, что еще сказать.

И вправду красиво. Машке бы понравилось. Ей нравились вычурные вещи и слова, в которых имелся скрытый смысл, а Иван таких слов не знал, он говорил просто... и недопонял, недодал...

– Я ему ответила.

На аватаре – черный круторогий бык. И лиловый глаз его смотрит на Ивана, насмехается.

– Я подумала, что раз уж он так хорошо знает мифы, то не пройдет мимо...

– Ты с ума сошла, – Иван потер щеку.

Щетина отросла. Он брился... перед похоронами вроде брился...

– Я хочу его остановить, – Ларка погладила фотографию. – Ради Машки. И я предлагала полиции...

– А они тебя послали подальше. И правильно сделали.

Упрямая женщина. Губы поджала, острый подбородок выпятила, такая не отступится. И сама ползет, доказывая, что способна... а она и вправду способна.

– Ты понимаешь, что это опасно? Что если он и вправду убийца, то и тебе шею свернет?

Понимает. Молчит. Ждет. И когда ожидание затягивается, задает вопрос:

– Ты меня подстрахуешь?

Вопрос, на который Ивану следует ответить правильно. Иначе эта невозможная женщина уйдет, чтобы ползть в логово маньяка в одиночку.

– Да.

– Хорошо, – она улыбнулась. – Я знала, что ты сильный. Только не пей больше, ладно?

Утром Женька обнаружила, что за квартирой следят.

Серебристый «Ниссан» припарковался, забравшись передними колесами на клумбу. Бритоголовый парень равнодушно разглядывал раздавленные тюльпаны, и пару рыжих кошек, что обретались в подвалах, и сам дом. Но стоило в окне появиться Женьке, как парень ручкой помахал.

– Вот придурок, – сказала Лариска, потягиваясь. – Это я про твоего...

Она зевнула и почесала живот. Спросонья Лариска была мягкой и добродушной, она гремела посудой, пытаясь сообразить, что приготовить на завтрак и вообще, хочет ли она завтракать...

– Ларис, – Женька села в уголочке кухни, из которого было видно окно и треклятый «Ниссан». – Он что, вправду за нами...

– За тобой.

– За мной следит?

– Вправду, – Лариска выставила пачку диетических хлопьев с отрубями, обезжиренное молоко и совершенно недиетический сахар. – Ешь. И будем думать. Да не дергайся ты, от этого козла мы быстро избавимся, а там пускай себе ищет...

– Ларис, а он тебя...

– Не полезет, не посмеет.

Хлопья без сахара имели омерзительный вкус, словно Женька опилки жевала.

Ничего. Жевала. Молчала.

Думала.

– Так, тебе надо запас вещей сделать. И продуктов.

– У меня деньги есть... – она брала на поездку к родителям, стыдно признаться, но взяла тайком, потому что драгоценный не преминул бы упрекнуть. Наверное, он имел право, если зарабатывал, но ведь он сам хотел, чтобы Женька дома сидела.

– Есть – это хорошо, – Лариска грызла хлопья, а взгляд ее блуждал по кухне. – В общем так, заедем по дороге в Михеевку, там супермаркет открыли. Купим тебе всякой ерунды, а шмотки сейчас на антресоли глянем. Помнится, раньше у нас один размер был...

Вещи с антресолей неуловимо пахли пылью и антресолями. Мерзкий раздражающий запах, отвращение к которому Женька попыталась скрыть. Надо же, она отвыкла от чужих вещей, а в студенческие времена частенько случалось с Ларкой меняться... и свитер этот вязаный Женька помнит. И джинсы с потертыми коленями, а вот заплатку – нет. Платице шерстяное, слегка растянувшееся, но Ларка отложила его в сторону, сказав:

– Для деревни сойдет. Не дрожи, Женька, вот отделаемся от твоего уroda морального, и заживешь ты со страшной силой...

Женька фыркнула и, не выдержав, расхохоталась.

Заживет. Как есть, со страшной силой заживет.

Вещи Лариска складывала в клетчатую сумку, не переставая говорить, и нарочито бодрый тон ее внушал Женьке подозрения. А потом зазвонил телефон. И Женька трубку взяла по привычке и еще потому, что знала, насколько упертым может быть драгоценный.

– Привет, – сказал он так, словно вчерашнего дня с изменой, побегом и выяснением отношений на чужой лестничной площадке не было вовсе.

– Привет.

Лариска нахмурилась.

– И что ты мне скажешь? – игриво поинтересовался драгоценный.

– То же, что и вчера. Я не вернусь.

– Женечка, ты глупости делаешь, – мягкий упрек, от которого поневоле начинает казаться, что да, она, Женька, капризничает, а драгоценный терпеливо капризы сносит. – Ты же не выживешь одна. Ты же привыкла...

Голос его журчал, а Женька с тоской думала, что и вправду привыкла. К квартире, в которой просторно и спокойно. К размеренным дням, к фитнес-центру, массажисту, салону и своему парикмахеру, к маникюрше Светочке, любившей поболтать. К кафе и магазинам. К тому, что проблем с деньгами не бывает, а решаются они одним звонком драгоценному.

И к нему привыкла.

К нотациям, которые он принимался читать под настроение. А настроение это случалось частенько, и нотации были длинные, скучные, но Женька кивала. Почему бы нет, если ему приятно? Привыкла к его белым рубашкам – их следовало стирать в режиме деликатной

стирки, а гладить непременно с воротничка и через тонкую марлю. К брюкам... она научилась делать идеальные стрелки.

Привыкла к совместным выходам в свет, правда, полюбить их так и не смогла... как знать, вдруг она привыкнет и к изменам?

И к пощечинам?

– Я... кого-нибудь пришлю за вещами, – сглотнув, сказала Женька, стараясь, чтобы голос звучал твердо, решительно.

– За какими вещами? – неискренне удивился драгоценный.

– За моими.

– Дорогая, а разве у тебя есть «твои» вещи? Помнится мне, все было куплено на мои деньги, а значит, и принадлежит мне...

Все: юбки до колена, выше нельзя, потому как неприлично. Строгие блузки, которые самой Женьке казались учительскими. И полушубок из норки. Ботиночки на невысоком устойчивом каблуке... надо думать и белье... и колготы... и сама Женька.

Тошно стало.

– Не дуйся, – хохотнул драгоценный в трубку. – Возвращайся и владей. А хочешь, поедem и шубу купим? Соболиную? Или колечко? Хотя ты колечки не носишь, а я вот недавно видел гарнитур с сапфирами. Твоим глазам пойдет.

– У меня зеленые глаза.

– Да? Ну тогда с изумрудами. Какая разница?

Наверное, никакой. И если Женька проявит благоразумие, то драгоценный не станет больше напоминать о побеге. Он притворится, будто этого побега не было, а она – что не было измены.

И будут они вместе жить-поживать...

Нет уж.

– Извини, – иррационально Женька чувствовала себя виноватой, как всегда, когда отвлекала драгоценного от важных дел. – Но я действительно не вернусь.

– Посмотрим, – беззлобно сказал он и отключился.

А Женька всхлипнула и заморгала часто-часто, прогоняя слезы. Ну вот в кого она такая... дурында.

– Не реви, – сказала Лариска, сунув в руки вязаный шарф. – Собирайся. Нам еще от этого... охранничка избавляться.

Не жизнь, а кино, боевик с Евгенией в главной роли.

Спуск.

И Игорек с шестого этажа сопровождением, он толстый и неторопливый. Игорек переваливается со ступеньки на ступеньку, тяжело отфыркиваясь...

...Сумоист. И хозяин огромного мастиффа со складчатой мордой и обрезанными острыми ушами.

Мастифф тоже переваливается и фыркает едва ли не громче хозяина.

А Лариска, взяв Игорьку под руку, нашептывает что-то, небось, жалуется. Женьке же остается следом идти, придерживая раздутую – того и гляди по швам расползется – сумку. Сумка тяжелая, но Женька терпит.

И тоже фыркает.

Разбаловалась она на чужой-то шее...

Во дворе светило солнышко, яркое, июльское. Оно раскалило асфальт, и воздух пах бензином, еще липовым цветом и мусоркой. Привычные запахи старого двора.

– Подержи, – Игорек сунул Лариске поводок. Сам же неторопливо – он все делал неторопливо – направился к «Ниссану». Хозяин того, завидев Женьку, выбрался из машины.

– Девка поедет со мной, – сказал он, глядя в глаза Игорьку.

Девка? Женькины щеки полыхнули. Она девка?..

– Ты зачем цветочки поломал? – вежливо поинтересовался Игорек.

– Чего?

– Того, – Игорек положил руку на плечо парня. – Ты приехал в чужой двор. К чужому дому. А ведешь себя, точно хозяин. Это неправильно, друг.

Игорек улыбался. Он выглядел дружелюбным и беззащитным, и парень стряхнул пухлую руку его с плеча.

– А ты че, за дежурного?

– Вроде того. Убери машину. А лучше уезжай.

– Кому лучше?

– Тебе. Нам. Всем. Люди должны помогать друг другу. Разве не так?

– Так, – хохотнул парень, разминая руки.

– Вот и помоги мне, свали так, чтоб глаза мои тебя не видели.

Он ударил коротко, без замаха, уверенный, что этого удара хватит. Игорек даже не покачнулся, он лишь вздохнул, и мастифф на поводке Лариски тоже вздохнул.

Женька поставила сумку на землю.

То, что будет дальше, она видела не раз, правда, давно, когда Игорек, который с детства отличался полнотой, только-только начал заниматься сумо. И в школе находилось много желающих его поддразнить. Это было по-своему красиво... Игорек умел двигаться быстро.

И парень вряд ли понял, как оказался на земле... просто оказался. И просто рассвирепел...

– Ну ты, жирная скотина...

– Пойдем, Женька, они тут надолго. Игорек развлекаться будет.

Лариска спустила мастифа с поводка, и тот лег в тени лавки, зевнул, всем своим видом показывая, что женщина права, хозяин будет развлекаться.

И отвлекать.

Он позволит этому, в джинсе, нападать снова и снова, всякий раз стряхивая его и дожидаясь, когда противник поднимется. Он будет двигаться неторопливо, нарочито неуклюже, заставляя парня беситься от ярости...

Пускай.

Ларискина машина воняла кожей и ванилью. Сумку Женька закинула на заднее сиденье, с переднего же убрала мятые салфетки, каталог косметической фирмы и забытую Лариской булочку.

На солнцепеке машина раскалилась, и дышать в ней было невозможно.

– Сейчас остынем, – пообещала Лариска. – Окно открой, чтоб ветерок... прокатимся. Мы поедем, мы помчимся...

На выезде со двора Женька обернулась, как раз, чтобы увидеть Игорька, который приобнял соперника и что-то терпеливо, мягко ему втолковывал.

Никак цветочки сажать заставит.

До Михеевки молчали. Женька старалась не думать о том, как станет жить, чувствуя страх и странную опустошенность. Ей вдруг захотелось вернуться.

Изменил?

Все изменяют или во всяком случае почти все. Разве это повод? А драгоценный не пьет. Он занудный, но щедрый, и простит, и постарается сделать так, чтобы Женька про другие измены не знала. А о чем не знаешь, о том не болит.

Так стоит ли менять что-то?

Сытая ведь, спокойная жизнь... и многие, надрываясь на двух работах, мечтают о такой.

– Если разревешься, – буркнула Лариска, – я тебе в нос дам.

Михеевка оказалась поселком городского типа, в котором пятиэтажные хрущевки мирно уживались с деревянными домами, широкими подворьями и ярким супермаркетом. Правда, на стоянке паслась коза, но она тоже вписывалась в местный пейзаж.

Денег хватило на хозяйственные мелочи и запас продуктов, и Женька впервые за долгое время выбирала вещи по их цене. Неприятно.

– Ничего, – сказала Лариска, выхватывая корзину. – Поживешь – привыкнешь.

Женька промолчала. А и вправду, привыкнет.

...Так называемая дача, которой предстояло стать Женькиным убежищем на ближайший месяц, а то и дольше – почему-то ей казалось, что за месяц драгоценный вряд ли успокоится – находилась в маленькой деревушке с говорящим названием Новые Козлы. Лариска утверждала, что ударение следует ставить на первый слог, и это радикально меняет смысл слова, но какой-то шутник пририсовал букве «о» козлиные рога. В царские времена деревенька славилась кружевницами, но после революции промысел этот сошел на нет за отсутствием рынка сбыта, трудовая артель была превращена в колхоз имени Ленина, который и просуществовал до середины девяностых.

– Теперь-то тут мало кто живет, – Лариска снизила скорость. Ее машина не ехала – кралась, переваливаясь из ямы в яму. – Вон в том доме, видишь, с зеленой черепицей... баба Галя... у нее внук – бандит. Нет, я не встречала, но все об этом знают... а вон тот, ага, красненький...

...Дом и вправду был выкрашен в ярко-алый цвет.

– Там Сигизмунд Иванович... ты его не помнишь, наверное, но раньше он с нами в доме жил, а потом уехал, вроде как в народ ушел... ну да познакомитесь, увидишь, он первым припрется. А налево глянь...

Обыкновенный кирпичный дом.

– Антонины Гавриловны изба, местной ведьмы... нет, я-то в такое не верю, но люди ее уважают. Ну она еще фельдшером раньше была, а потом как-то травмами увлеклась... вообще место здесь хорошее. И многие, которые в город уехали, да почти все и уехали...

Широкое русло улицы, покосившиеся заборы.

Деревня выглядела мертвой, и это, признаться, пугало Женьку. Она вцепилась в сумку, мысленно приказав себе не паниковать.

– ...Так вот, уехать уехали, а участки держат. Сейчас-то если продавать, то копейки выручишь, а ходят слухи, что дачники расширяться станут... там, за леском поселок имеется приклатненный. Если интересно будет – сходи... такие дома, не дома – чисто замки... короче, если те будут расширяться, то сюда, не к городу же им. И тогда земля в цене подскочит конкретно. Вот этого все ждут.

– И ты?

– И я, – мотнула головой Лариска. – Чем я хуже? Я, может, тоже мечтаю куш сорвать. Квартирку бы разменяла с доплатой. Или ремонт сделала. В общем, нашла бы как использовать. Во! А это Ильина дом... ну ты Ильина не знаешь, а я тебе скажу... мужик суперский! И холостой, заметь.

Данное обстоятельство меньше всего Женьку трогало. Она еще от драгоценного не отошла, а Лариска уже нового сватает. Нет уж, пора становиться самостоятельной, а уже потом и жениха искать.

Дорога вильнула влево, огибая высокий каменный забор. И Лариска притормозила.

– Надо же... а весной еще обычный стоял. Ильин решил тут строиться... ему вроде как от бабки хата досталась, вот он потихоньку ее и... кстати, солидный человек, пластический хирург... только странно.

– Что?

– Дым не идет. Он обычно на выходные приезжает, если свободен. Говорит, здесь отдыхается хорошо...

От Женьки требовалось кивать.

Она постепенно свыкалась и с местом, оказавшимся не столь уж жутким, как ей представлялось вначале, и с самой мыслью о том, что именно в Малых Козлах ей предстоит начать новую жизнь.

Машина остановилась перед белым каменным забором... нет, забор был белым когда-то, но зимние холода и весенние дожди побелку облизали.

– Приехали, – возвестила Лариска. – Вот моя дача...

– Это же...

Женька икнула.

– Кладбище.

За забором виднелись кресты и памятники.

– Я ж спрашивала, боишься ли ты покойников, – Лариска вышла и потянулась. – Воздух хороший здесь, чистый... там дальше тропка есть, к озеру. Сходи. Только учти, его ключи питают, поэтому вода холодная.

Кладбище.

Старое кладбище, заросшее лебедой и бурьяном. Деревья-свечи по периметру охраной, и разлапистая низкая черешня выглядывает из-за ограды. Тонкие ветви ее согнулись под тяжестью ягод, и Лариска, собрав горсть, протянула:

– Хочешь?

– А... можно?

– Отчего нельзя? Отомри, кладбище как кладбище... обыкновенное. Вообще тут давненько не хоронят, а когда-то со всего района возили. Жень, ну ты что?

– Я буду жить на кладбище?

– Ну... да, – Лариска вытащила из багажника сумку. – Или у тебя есть возражения?

Возражения у Женьки были, но какие-то несерьезные. Она ведь человек разумный, и разум этот утверждает, что нормальные люди не боятся кладбищ, тем более старых... подумаешь... это просто место... конечно, куда приятней, когда окна твоего дома выходят, к примеру, на озеро, но и кладбище – всего-навсего пейзаж.

– Да не трясись ты. Идем.

Лариска бодро зашагала по изрядно заросшей тропе.

– Вообще раньше тут церковь стояла... видишь вон?

Остатки часовни возвышались гнилым желтым зубом.

– При ней, конечно, батюшка... типа мой предок. Потом церковь снесли, батюшку расстрелять хотели, но он сам помер. А вдове повезло, не тронули. Она и осталась при кладбище, навряд ли как смотрительницей... кстати, тут не так и плохо, только привыкнуть надо.

Женька полагала, что привыкать ей придется долго.

Кладбище пахло землей, травой и еще цветами. Кусты шиповника, некогда, надо полагать, аккуратные, переплелись ветвями, создавая колючую стену, из-за которой выглядывал черный обелиск. Разросшаяся рудбекия, крупная, с желтыми цветами, манила бабочек.

Красиво, пожалуй... если бы не кресты, что виднелись по-над травяным морем.

– Мы когда-то тут в прятки играли... а еще склеп есть, он вообще древний... где-то там, – Лариска махнула рукой в направлении леса, что сине-зеленой каймой виднелся вдали. – Туда лучше не заглядывать.

– Почему?

– Древний, говорю. Обвалившийся. Конечно, если тебе на кости поглядеть охота...

– Неохота.

– Тогда не суйся, – Лариска подошла к дому. – Вот твои владения.

Дом старый, но ухоженный, деревянный, под двускатной крышей. На серой черепице виднеются моховые латки, окна укрыты резными наличниками. Блестят жестяные водостоки, покачиваются зеленые стебли лилий, укрывая лавочку, и малина стелется по дорожке.

Дом выглядел уютным.

– Я тут уже недели две не была, – призналась Лариска. Присев у порога, она подняла камень, а из-под камня вытащила ключ. – Так что проветрить нужно. Вода здесь есть, а готовить надо на газу. Баллон заправлен доверху, и в сарае запасной имеется.

В сенях пахло плесенью, и Лариска оставила дверь открытой.

– Комнаты две. Конечно, не твои хоромы, но думаю, хватит...

Деревянный пол, выкрашенный рыжей краской, старое трюмо с зеркалом, прикрытым простыней. Стол. Ваза. И башня из запылившихся тарелок.

– Кровать на пружинах, но вроде нормальная. Перину я проветривала...

Металлическая кровать с шишечками, точь-в-точь как та, которую мама на дачу отвезла, а потом кровать и с дачи исчезла, сменившись куда более современной тахтой. В доме неуловимо пахнет сеном.

– Печь можешь растапливать, если хочешь, торфобрикета запас есть, но как по мне, так летом оно без надобности.

...Печь белая, солидная, с черным зевом и раскрытыми заслонками. На натянутых вдоль печного бока нитях висят полотенца.

– ...Вот газ, смотри...

Плита о двух конфорках. Посуда.

– Ну, удобства, сама понимаешь, на улице, – Лариска осмотрелась. – В общем, разберешься. А если не разберешься, то звони.

Конечно.

Позвонит. И разберется. То есть сначала разберется, а потом позвонит... и уже охота назад попроситься. Есть ведь другие варианты. Например, можно квартиру снять, где-нибудь в городе... правда, у Женьки денег не так много осталось, но если попросить родителей... объяснить родителям.

– Что-то ты совсем скуksилась, подруга, – Лариска покачала головой. – В общем, так, я сейчас схожу к старухе, она тут вместо старосты, скажу, пусть тебя сторожем на месяц оформит.

– Кем?

– Сторожем. Да отомри ты! Все одно на кладбище живешь. Работа – не бей лежачего. Хоронить тут не хоронят уже лет двадцать. Деревенька тихая, чужаков нет. Просто ставка имеется, вот и... заплатят, конечно, копейки, но тебе и это надо. Для начала. Ну, обживайся...

И Лариска ушла.

Сразу стало не по себе. Старый дом, очнувшись от дремы, приглядывался к Женьке. Он видел ее насквозь вместе с нелепыми страхами, сомнениями и желанием вернуться к прежней, уже недоступной жизни.

– Я справлюсь, – сказала Женька, расстегивая молнию на сумке. – Я сильная...

Прозвучало донельзя жалко.

Аня научилась чувствовать его появления задолго до того, как раздастся звук шагов. Просто в комнате что-то неуловимо менялось.

Моргала лампочка. И отвратительная белизна кафеля тускнела. Само дыхание сбивалось. Ему нравился страх, человеку, который скрывал свое лицо за детской маской. Ане вспомнился стишок: идет бычок, качается, вздыхает на ходу...

...Минотавр вздыхал шумно, как-то картинно.

Проворачивал ключ в замке.

И говорил:

– Я вернулся.

Он приносил с собой еду и воду и поил, прижав к губам горлышко бутылки. Аня глотала. Потом покорно открывала рот, а Минотавр запихивал в него кусочки вареного мяса. Мясо было жестким, и Аня с трудом прожевывала его, он же смотрел.

Любовался.

...Быть может, если все так и продолжится, Аня сумеет сбежать? Ведь развязал же он ее после первого разговора?

– Я... – она сглотнула, пусть в горле и пересохло. Воду и еду он уносил с собой. – Я рада, что ты, наконец, появился. Мне здесь... так страшно.

Она почти не соврала.

Страшно.

Жутко. И лампочка светит постоянно. Выложенная белым кафелем клетка невелика: пять на пять шагов. Потолок высокий. Жгут провода. Лампа. И лестница наверх. Десяток ступеней, которые заканчиваются дверью.

– Ты пыталась убежать, – с упреком произнес Минотавр и легонько хлопнул по губам.

– Нет!

– Да, – он снова ударил, уже сильнее, и Аня поспешно облизала губы. – Ты поднялась по лестнице...

...Следит?

Как она раньше не подумала. Конечно, следит. Спрятал камеры и... и да, она пыталась сбежать. А кто бы на ее месте не попытался? Ей казалось, что если дверь обыкновенная, то Аня с нею справится. А дверь оказалась железной, гладкой. С внутренней стороны не было ни ручки, ни даже ячейки замка. И Аня сидела у этой двери, скреблась, едва не воя от отчаяния.

– Прости. Я больше не буду.

Она склонила голову, и это понравилось Минотавру.

– Пить хочешь? – почти нормальным голосом спросил он.

– Да.

– Пей.

Бутылку в руки снова не дал. Смотрел, как Аня глотает, жадно, стараясь не пролить ни капли, а вода течет по щекам, подбородку.

...Ее ищут. Должны были хватиться. Сколько дней прошло? Аня не знает. Здесь, в белой комнате, нет ни дня, ни ночи. И лампа светит одинаково, и ощущения все смешались... и Минотавр приходит... сколько раз в день?

...Но должны были хватиться. Аня рассказала о свидании Ольке, а Оля могла решить, что Аня осталась у нового старого знакомого и прикроет перед мамой... но ведь через день или через два забеспокоится...

– Тебя не найдут здесь, – он словно заглянул во всполошенные мысли Анны. – Об этом месте мало кому известно.

– Ты готовился?

– Конечно, – он отобрал бутылку, в которой еще оставалось глотка два.

...От жажды он ей умереть не позволит.

И от голода.

Что приготовил? И нужно ли Ане знать? Неизвестность, конечно, страшит, но сейчас у нее хотя бы надежда имеется. А надежда – само по себе много. Аня раньше не представляла, насколько много...

– Мне нравится, что ты не плачешь, как другие.

– А были другие?

Он поднес к губам кусок мяса, и Аня раскрыла рот. В конце концов, вдруг да правы те, кто рассказывает, будто маньяк способен жертву пожалеть? Нет, Ане не нужна жалость, но... если он привыкнет, если Аня понравится ему, то...

– Были, – он произнес это с затаенной гордостью.

Сумасшедший.

– Расскажи.

– Зачем?

– Просто интересно... – Аня с трудом разжевала кусок. Готовил он отвратительно, и мясо несоленое, лишенное приправ, было почти несъедобно. Впрочем, в ее ли положении капризничать?

– Я их убил.

В этом Аня не сомневалась. И цепляясь за нить странной их беседы, спросила:

– И меня ты... собираешься?

Он не ответил, но заткнул рот куском мяса.

– Тавр, любимец Миноса, был родом из земли Пут. Никто не знает, где эта земля, о ней упоминается лишь единожды. И есть мнение, что земли этой вовсе не существовало. Прежде люди полагали мир иным, плоским и огромным, населенным самыми причудливыми существами. И сам Тавр, называвший себя потомком северных варваров, вряд ли был в полной мере человеком.

Аня открывала рот.

Жевала. Слушала. Она была внимательна, как никогда прежде. Ей очень не хотелось умирать.

– Он появился на Крите, когда Минос был еще мал. И уже тогда того поразила не только сила его, но и нечеловеческая жестокость. Тавр не щадил ни сильных, ни слабых, ни стариков, ни детей, ни женщин, ни мужчин, он готов был убить любого, на кого укажет царь. Собачья верность.

Слушала. И жевала. Смотрела в бледные глаза, которые вспыхивали, потому что та, давняя история, тревожила Минотавра.

Кем он себя вообразил? Помесью быка и человека? Или же древним варваром из земли Пут?

– Минос эту верность оценил. Он приблизил варвара к себе, наделив немалой властью. Многие полагали это опасным, потому как вдруг да взбредет Тавру избавиться и от самого Миноса? Но царь был уверен в своем любимце. И ради него затевал игры. Всякий свободный человек мог бросить Тавру вызов. Если побеждал, то получал все имущество варвара, а оно было немалым. А если проигрывал, то оставался во власти его на семь лет... говорят, что многие афиняне пытались одолеть Тавра. Отсюда и пошла легенда об афинских юношах и девушках, которых отдавали на растерзание ужасному чудовищу.

Он отставил опустевшую тарелку и неожиданно погладил Аню по волосам.

– На самом деле он вовсе не был чудовищем. Человеком – да. Сильным. Свирепым. И верным. А что как не верность заслуживает похвалы?

– Ты... много о нем знаешь.

– Да, – это было произнесено без гордости. – Я должен. Я его наследник.

И Минотавр поднялся.

– Быком Тавра прозвали из-за шлема, украшенного рогами дикого тура... полагаю, ему нравилось.

Он ушел. Как-то очень быстро ушел, забыв бутылку с недопитой водой. Прежде за ним подобного не водилось. И стало быть, сама эта история действительно волновала его.

Аня встала на корточки и, добравшись до бутылки, прижала ее к животу.

Она выберется.

Обязательно.

Иллариya на ночь не осталась. Наверное, это было правильно, но теперь после ее ухода Иван чувствовал себя... брошенным? Тоска навалилась, глухая, волчья. Впору и вправду на луну завывать, да с переливами. Или напиться, но он слово дал, что пить не станет. Но Лара не поверила и последнюю бутылку с собой забрала. Бессмыслица какая... если совсем неумоготу станет, то магазин рядом. Машке он не нравился, маленький, а Иван, напротив, неудобно себя в супермаркетах чувствовал, слишком много всего вокруг, и в результате вечно он что-то забывал.

Машки нет.

Она ушла к любовнику...

В голове не укладывалось. Машка и любовник. Она же была такой... искренней. Светлой. Девочка его... а может, сочинила все Ларка? Тошная завистливая женщина.

Чего ради?

Просто так... кто их, женщин, поймет?

Но не спокойно. Явилась. Растревожила рану. И исчезла, будто так и надо... выпить не оставила.

Что оставила?

Запах духов, цветочно-горьковатый, навязчивый. Иван раздраженно открыл окна. И теплый летний воздух запахом вымел, но стало еще хуже. А ведь уснуть не выйдет, до утра еще долго и...

...И все можно проверить. Вот он, Машкин ноут, розовый, аккуратный, стоит на краю туалетного столика. Странно, что не изъяли, но пока не изъяли, то...

...Валентин ответил сразу. И просьбу выслушав, буркнул.

– Сейчас буду.

Он и вправду появился очень быстро, от чая – больше гостю предложить было нечего – отказался, только попросил:

– Не маячь. И это... соболезную.

Иван кивнул. Он убрался на кухню и там сидел, курил сигарету от сигареты, подгоняя сердце никотиновой отравой. Валентин, провозившись с полчаса – а показалось, вечность в растянутом сигаретами времени, – появился на кухне.

– Короче, вскрыл. Только это, Ивашка, ты сам думай, оно тебе надо?

Думал. Все это время думал, и после ухода Валентина тоже, целых пять минут, а может, все десять. Что он хочет найти? Пикантные фотографии? Или адрес соперника? Признание его в убийстве?

...Письма... десятки писем, некоторые короткие, по строчке или две.

Привет...

...Если бы ты знал, как я соскучилась.

...Вчера весь день ждала от тебя письма, а ты... хотя бы строчку...

...Здравствуй, я много думала о том, что ты сказал... люди и вправду должны испытывать прежде всего духовную близость и...

...С удивлением и улыбкой вспоминаю нашу первую встречу. Неужели и вправду я была столь надменна, как ты говоришь? Мне и смешно, и стыдно. Да, признаться, я ненавижу деревню, особенно такую, как Козлы. Козлы – они козлы и есть, как ударение ни ставь. И мне не понятна его привязанность к этому месту. Конечно, ты станешь возражать, говорить об исторических корнях, с которыми никак нельзя обрывать связь, но это не мои корни. Ильина. У меня же Козлы ассоциируются с той печальной умирающей деревней, которая есть ничто иное, как воплощение полной социальной деградации. Грязь, забвение и тихий алкоголизм.

Иван потер глаза и перечитал письмо.

Малые Козлы он любил нежной детской любовью, круто замешенной на ярких воспоминаниях. Солнце. Лето. Клубника в огороде, которую бабка Ивана собирала в оловянную солдатскую миску. И всякий раз миска набиралась с верхом. Клубника у бабки была особенная, сладкая и с дурманящим ароматом. Пусть и мелкая, но она была несоизмеримо вкусней покупной. И Ивашка, кое-как ополоснув клубнику, забирался с миской на старый сундук, доставал книгу, читанную дважды, а то и трижды, но все равно интересную...

В деревне он был свободен.

От школы с ее холодным противостоянием и драками, в которых Ивашке катастрофически не везло: то и дело били. А если не били, то рвали одежду. И мама хмурилась, наливалась недовольством, краснела. На следующий день она шла к классной руководительнице и долго, муторно рассказывала о бедах Ивана.

Ивашку же называли стукачом. Он никому ничего не говорил, но все равно... в городе было душно, что осенью, что зимой. И от духоты, от сырости вечной он заболел и болел подолгу, получая удовольствие от самого процесса. Особенно когда мать, устав от бесконечных больничных, стала оставлять Ивашку одного. В пустой квартире было спокойно.

Ивашка ел. Спал.

Читал.

Сам с собой раскладывал домино. Или разыгрывал партии в шахматы. Но все равно деревню он любил больше.

Колхозный сад за высоким забором, в котором бесчисленно лазеек. И коровник. Меланхоличных коров и старого козла, что вечно пасся перед сельсоветом, хотя не столько пасся, сколько норовил поддеть каждого, кто к сельсовету подходил.

Лес. Речку, которая и речкой-то не была, так, грязной канавой, но в канаве имелась вода, а остальное – так ли важно в одиннадцать лет? Нет, Ивашка, а ныне Иван категорически не понимал, как можно не любить деревню. И в дом, доставшийся от бабки, – мать уговаривала его продать, но к счастью, Иван был уже достаточно взрослый, чтобы отказать ей – он сбегал, когда в городе становилось вовсе нелегко...

А Машке не нравилось.

Иван-да-Марья.

Растение такое с лилово-желтыми венчиками-соцветиями. Вечное противостояние. А ему казалось – дурит. И обижается. Надувается, что рыба-шар, молчит всю дорогу, глядя исключительно перед собой, и лишь подбородок подрагивает.

Машке отдыхать нравилось иначе, активно. К примеру, в клубах, или в театр можно сходить, или в ресторан. Но Иван от такого отдыха уставал.

Он потерял лоб и вернулся к письмам.

Права Ларка. И насчет любовника. И насчет того, что эта скотина Машку зарезала... изнасиловала и зарезала. А его ищут-ищут, но вяло... и значит, надо самому. Хотя бы для того, чтобы вырваться из круга тоски и мути.

...Ты так долго не отвечал. Я устала одна. Ты представить не можешь, до чего мне тяжело. Со стороны моя жизнь выглядит совершенно радужной, и я понимаю, что нет поводов жаловаться, однако меня переполняет тоска. Мне хочется бежать. Не важно, куда, лишь бы из этой чужой квартиры. От этого чужого человека...

А Ивану казалось, что он родной. Роднее всех остальных, включая подружек и родителей, которым Машка звонила раз в неделю и разговаривала от силы пятнадцать минут.

Чужой.

Обидно. Когда о любовнике узнал, то обиды не было, теперь же словно пощечину дали, словесную, но горькую.

А как же их встреча, которая – знак судьбы. Улица, зима, и девушка споткнулась, едва не упала, сломала каблук. У девушки поразительные глаза, ярко-синие, и длинные волосы.

Иван таких длинных никогда не видел, и поэтому не нашел ничего лучше, чем косу потрогать и спросить:

– Свой?

Она же кивнула и разревелась, потому что каблук сломался, а сапоги новые и других нет. Сапоги он купил, позже, млея от удовольствия при мысли о том, что ее так легко обрадовать. А она розовела и неловко отказывалась.

И ела мороженое, шурясь от удовольствия.

Читала книгу по фэн-шую, лежа на полу и расставив локти.

Жульничала в подкидного... и рассказывала о себе, о подругах, которых у нее имелось множество, но все какие-то невезучие и со сложной судьбой. Выходит, что собственную судьбу Машка тоже полагала непростой?

...Мы говорили об этом. Иван – замечательный человек, очень надежный, но при том невыносимо скучный. Он или работает, или отдыхает от работы. И чем больше мы живем, тем яснее я понимаю, что с Иваном у меня нет ничего общего. Конечно, для многих это не причина, и Лара – я тебе рассказывала о Ларе – полагает, что я дурю от вседозволенности. И лишь ты понимаешь, как это невыносимо тяжело, когда твоя душа остается непонятой. Быть может, я сама виновата, не нашла нужных слов, не достучалась до него, но... не хочу. Устала. Он – обыватель в худшем своем обличье. Успешный, а потому полагающий себя состоявшимся. Но душа его давным-давно утратила способность чувствовать прекрасное. Она закаменела в рамках работы и нехитрых обывательских развлечений.

Иван вскочил и прошелся по комнате. Остановившись перед зеркалом, он глянул на себя: обыватель? Как есть обыватель в драных джинсах, в старой майке. В рубашке мятой, брошенной поверх майки, пусть в квартире и тепло, даже жарко. Красноглазый с недо-сыпа, с перепоя. Распухший и со щетиной...

Ну да, он любил свой диван, кожаный, трехметровый, занявший половину гостиной. И шашлыки обывательские и киношку под настроение с попкорном.

Зеленые оливки, миндалем фаршированные.

Что там еще положено обывателям любить?

Иван дернул себя за волосы, велел успокоиться. И работал он, порой урабатываясь до состояния немоты, когда хотелось лечь и лежать, не шевелиться. И тогда Машка обижалась, что он не слушает ее. А Иван действительно не слушал.

Сам виноват.

Вот и нашла другого, который...

...И вновь я мыслями вернулась к первой нашей встрече. И к собственному побегу, который был ребячеством, иначе не назовешь. Но тогда меня захлестнули чувства, и я напрочь утратила способность мыслить здраво. Я же рассказывала тебе, сколь тяжело пере-ношу ссоры? А та была грандиозна. Смешно. Сейчас я не помню, из-за чего эта ссора возникла. Верно, между нами вновь накопились противоречия, вот и вспыхнули, точно хвост...

Машка и вправду вспыхивала. Порой из-за слова, сказанного или, напротив, нескazanного. Взгляда. Собственной надуманной обиды, возникшей на пустом месте.

Пороховой характер.

Страстная натура... про характер – это Иван придумал. А натура – ее слова.

...И я бежала, не видя перед собой дороги. Иван же остался на даче, помню, бросил, чтобы, как набегаюсь, возвращалась. Он знал, что деваться мне некуда. А я летела, не разбирая дороги, желая одного – оказаться за тысячи километров от этой убогой деревушки. И я налетела на тебя, а ты, придерживав меня, спросил, что такая прекрасная девушка делает в одиночестве? Мне же неуклюжий этот комплимент показался едва ли не издевательством. И я тебе нахамила. Господи, я вспоминаю слова, сказанные в запале, и горю от стыда. Я готова

вновь и вновь умолять тебя о прощении, хотя знаю совершенно точно: ты уже простил меня. И наверное, ты прав, та встреча – это знак судьбы, что мы с тобой связаны. Я была слепа и отвернулась от этого знака. Ты же не посмел настаивать. Но с дороги не свернуть, и мы встретились вновь, чтобы осознать, что созданы друг для друга...

Иван с мазохистским наслаждением читал и перечитывал письма. Он распечатал их и мял тонкие, пахнущие краской листы. Скатывал в шары, а шары отправлял по полу гулять, потом собирал и вновь читал, уже с ручкой, подчеркивая отдельные фразы.

И когда ревность, злость отступили, кое-что стало очевидным.

Илларию на звонок ответила.

– Ты знаешь, который час? – сиплый недовольный голос. И со сна она, должно быть, выглядит еще более некрасивой, чем обычно.

– Нет.

– Полшестого утра, Иван. Нормальные люди в это время спят.

– Я ненормальный.

– Это я уже поняла, – в трубку было слышно, как она зевает. – Что случилось?

– Приезжай.

– Прямо сейчас?

– Да. И поесть с собой захвати. А я кофе сварю. Ты кофе любишь?

Вздых. И признание:

– Кофе я люблю. Но ты не наглей, ясно?

Она появилась спустя час, и весь этот час Иван не находил себе места.

– Если окажется, что тебе просто скучно стало или пожрать захотелось, – Илларию, балансируя на одной ноге, стаскивала туфли, – я тебя ударю. Нет, Иван, честное слово, ударю. Сковородкой.

Сковородку она держала в руке.

– Легкая, – Иван ее забрал. И пакет тоже.

– Блинчики жарить буду, раз уж разбудил. С меня блинчики, с тебя кофе и рассказ. И постарайся, чтобы я поняла, что приехала не зря.

Помимо сковородки Илларию привезла серый фартук и косынку, которую повязала поверх волос. Пакеты с молоком. Яйца. Муку. Ветчину в вакуумной упаковке и сыр «Российский». Иван такой с детства любил, он сел за стол, подвинув к себе сыр, который не резал, отколупывал по крошкам.

– Бить тебя по рукам некому, – Илларию взбивала яйца венчиком, хмурая, раздраженная, но все равно какая-то странно домашняя.

А Машка утверждала, что кухня – средство закабалить женщину. Машка предпочитала полуфабрикаты, а еще лучше – рестораны. Все повод показаться на людях, а Иван от людей уставал. Он, по Машкиному мнению, походил на улитку, которая упорно прячется в хрупком своем домике, не желая видеть, что творится во внешнем мире.

Человек-улитка.

Так оно и есть.

Илларию такая же...

...Она моя подруга, но иногда я ее совершенно не понимаю. Знаешь, удивительно, до чего легко мне обсуждать с тобой иных людей. Я словно смотрю на них свежим глазом и сама удивляюсь тому, как не видела очевидного. Она – типичная хищница, которая притворяется другом, пожалуй, и сама верит в дружбу, тогда как ясно, что движет ею исключительно выгода. Илларию пытается не просто зацепиться в этом городе, но стать независимой, сама себя загоняя в финансовую кабалу. Она только и живет работой, не представляя иного. Вернее, она пробовала это иное, и хотя рассказы ее были скупы, я прекрасно осознаю, кем

она была – банальнейшей содержанкой. Отсюда ее патологическая страсть к тому, что она называет финансовой свободой.

Содержанка, значит. Бывшая модель с неудачной карьерой, которая, вероятно, поняла, что в жизни не достигнет подиумных высот, но лишь растратит на подъеме к вершине остатки здоровья. И когда подвернулся альтернативный вариант, Иллариya воспользовалась удачей.

Верно, тогда ей это казалось удачей. Но потом что-то случилось такое, что сделало ее злой, недоверчивой.

...Думающей исключительно о себе. И поверишь, порой в ее взгляде я видела холодный расчет. Иллариya называет себя моей подругой, но на деле ей просто удобно было пользоваться. Когда она сбежала от своего хозяина – а я согласна с тобой, что весьма часто подобные отношения сходятся именно к этой схеме, где один владеет другим, – Иллариya осталась практически голой, босой и без образования. Она была никому не нужна. И мне пришлось вытаскивать ее из глубочайшей депрессии, в которую она впала. Я делала это, не задумываясь о том, к чему приведет такая доброта. И теперь мне кажется, что Иллариya и вправду чувствует себя обязанной, но долг этот моральный, как и иные долги, несказанно тяготят ее. Вот она и пытается по-своему участвовать в моей жизни. И я принимала это участие, не замечая, в какую ловушку оно меня загоняет.

– Слушай, – Иллариya ловко стряхивала блинчики на тарелку. – Ты на меня так смотришь, что мне просто-напросто неуютно.

– Он знает, как ты выглядишь, – сказал Иван, потянувшись к блину.

– Что?

– Ты ведь свою фоткуставляла?

– Да.

– Блин горит.

– Твою ж... – она сдернула сковородку с огня. – Иван, какого хрена...

– Никакого. Я взломал Машкину почту. Сейчас, – Иван поднялся и вышел. Вернулся с мятой стопкой листов. – Вот... только предупреждаю, читать будет неприятно.

Иллариya вытерла пальцы о фартук. Листы приняла и устроилась на диванчике – а Машка его не любила, полагая, что кухня – не самое подходящее место для дивана. Лара читала быстро, пробегая глазами по строкам, то морщась, то болезненно кривясь.

...Прости, но я не понимаю твоего к ней интереса. Она – обыкновенная, зашоренная и глубоко несчастная женщина. Да, справедливости ради, Иллариya многого добилась в этой жизни сама. Не знаю, что бы я делала, окажись на ее месте. Однако ты сам писал, что каждый из нас оказывается именно на том месте, которого заслужил...

Поджатые губы, слишком тонкие. Разрез рта большой. И морщинки уже появились.

Женщины нервно относятся к первым морщинам, зачастую требуя от Ивана чуда – не просто избавить, но остановить время. А ей все равно. Она трогает нос, переносицу, пальцы щепотью замирают на горбинке, и уголки некрасивых губ подрагивают. Ивану вдруг становится стыдно, что он читал те Машкины письма, в которых...

...Не понимаю, зачем тебе ее снимок, но отправляю. Да, я ревную. Мне хочется, чтобы ты принадлежал исключительно мне одной. Ты сам твердил, что тебе нужна лишь я, а теперь все время спрашиваешь о ней. И не надо говорить, будто ты пытаешься через нее лучше понять меня саму. Это ложь! Господи, я начинаю ненавидеть лучшую свою подругу. Хотя, отчего лучшую? Чем она отличается от иных? Большей стервозностью? Озабоченностью собственным благополучием? В последние годы у нее никогда-то времени не хватало. Она встречалась со мной, слушала, но я-то чувствовала, насколько ей в тягость. Иллариya была вся в своих собственных проблемах, и мои ей казались мелкими, внимания не заслуживающими.

...Прости, теперь мне стыдно за то мое письмо. И да, я согласна, что Лара – уставший человек, сломленный, который пытается выстроить жизнь наново. Ты говоришь, что за такими людьми наблюдать интересно, что именно они, потерявшие смысл бытия, острее заставляют чувствовать собственное счастье. И я вновь счастлива. Я вспоминаю нашу встречу, пусть и недолгую, но ты обещал, что скоро мы будем вместе. Я живу этой мыслью.

...Вчера рассказала Ларе о тебе, как ты и просил. Я наблюдала ее реакцию, и была неприятно удивлена. Хотя ты вновь оказался прав! Господи, мне порой кажется, что твоя проницательность сверхъестественна! Ты, не зная Лару, так ее изучил! И этот ее гнев... А ее голос? Хриплый, ломкий, нечеловеческий. Я слушала его, но не слова. Хотя слова тоже стоили внимания. Представляешь, она обозвала меня шлюхой! Нет, не то, чтобы напрямую, но смысл сводился к этому. Ей казалось, что у меня имеются обязательства...

...Мы продолжаем выяснять отношения. Каждая наша встреча, а теперь Лара сама ищет встреч, оборачивается безобразной ссорой. Она заняла позицию не то матери, не то старшей сестры, которая желает уберечь младшую от ошибки. Ничего не зная о тебе, она тебя ненавидит. И поверь, я достаточно хорошо знаю Лару, чтобы понять – в этой ненависти нет притворства. Она реальна. От нее становится тяжело дышать. И все мои слова, а я все же пытаюсь донести до нее, что ты мне вовсе не враг, уходят в никуда. Она только и твердит, что про мою жизнь, про Ивана, про наше совместное будущее, которое я ломаю. Ей кажется, что я не осознаю всецело, чего могу лишиться. А моих возражений она просто не слышит...

...Был ли ты прав, в очередной, уж не знаю какой раз – и эта правота прежде неизменно восхищала меня – говоря о ее любви, но не ко мне, а к Ивану. Мне неприятно думать об этом, пусть я сама не люблю Ивана, и в принципе, в самом скором времени, как только ты разрешишь свои проблемы, собираюсь его покинуть. Однако сама мысль о подобном чувстве со стороны Лары видится мне если не кощунством, то – нарушением неписаных правил. Верно, я большая собственница, если продолжаю относиться к этим людям, как к тем, на кого имею некие эфемерные права. И самой смешно, но вместе с тем горько.

Странно.

Он и сам не понял, когда успел заучить эти письма.

– Вот как... – Иллария не стала притворяться равнодушной, возможно, оттого, что лицо ее не способно было превращаться в маску. – Наверное, для нее все это и вправду выглядело... вот так.

– Не принимай близко к сердцу.

...У Илларии сердце, если и было, то давно превратилось исключительно в орган, необходимый для перекачки крови. Она категорически не способна испытывать сколь бы то ни было сильные эмоции.

– Утешаешь? – листы сложила аккуратно. – Блины лучше ешь. И ты мне кофе обещал.

– Сварю.

Она сидела, сгорбившись, обняв себя, и серый фартук топорщился.

– Ты мне действительно нравился, – заговорила Иллария, когда Иван поставил перед носом ее чашку с кофе. – Не в том смысле, что как мужчина... точнее как мужчина тоже, поверь, я знаю, сколько всякого дерьма притворяется мужиками, но вот... для нее ты был подходящим. Она же – девочка. Ясная мечтательная девочка, которая уверена, что ничего плохого с нею в этой жизни не случится. С кем угодно, но не с ней... все девочки такие, да?

– Наверное.

– А я вот хлебнула от души... и да, она правду сказала. Я была содержанкой.

Чашку взяла, сдвинула керамические бока ладонями.

– Не подумай, что жалуясь... но просто, чтобы знал, да?

– Да.

– Модельный бизнес – то еще болото... там душу выматывают. Или нет, чайной ложкой выскребают. И девчонки бесятся. Это же больно, когда вот так... от бешенства, от злости, от неспособности что-то изменить и лезут друг на друга. Крысы в бочке. Сделаешь гадость ближнему, и легче станет. А душа покрывается слоем глянца. И вот уже нет ее.

Она говорила, глядя на ноги. Широкие слегка косолапые ступни, и носки полосатые, из-за чего ступни выглядят еще более широкими и косолапыми.

– Кто-то садится на иглу, кто-то – на таблетки... пить начинают... пара нимфоманок была... не самый худший вариант. Трахом стресс сбрасывали, и калории тоже. Я поняла, что еще немного и сойду с ума. А тут он... молодой, красивый и с цветами. Всегда с цветами. Вежливый такой. Улыбается. Глаза вот пустые, точно из стекла отлитые. Девки в один голос твердят, мол, повезло, хватай... мне бы задуматься, с чего вдруг такое единокровие, но нет, устала уже. Выдохлась. Не та у меня душа, чтобы надолго хватило. Ну и поддалась... стали встречаться.

Кофе она не пила – нюхала, осторожно, точно опасаясь, что Иван сейчас отберет чашку.

– Не скажу, что меня так уж предчувствия грызли. Нет, он был... почти идеален. Порой мелькало в словах что-то этакое, чему и названия-то не находила. Мелькало и исчезало. Я ведь живая... девушка... мне хотелось, чтобы ухаживали. Цветы и подарки... были и цветы, и подарки. И предложение жить вместе. Правда, он условие поставил, что работать я не буду. Но ведь это нормально. Я уже и не хотела работать. И предложение приняла... – она хмыкнула. – Да я на шею ему бросилась с визгом... мне вся эта полумодельная жизнь в горле уже сидела.

Иван слушал, возникало чувство, что рассказывает она не для него – для себя.

– Поначалу все хорошо... квартира, которую он щедро предложил считать своей. Тихая жизнь. Впервые никуда не надо спешить, лететь, выпрыгивая из шкуры... отдых. Я была счастлива. Даже не знаю, когда все изменилось. Просто однажды я поняла, что в этой чудесной квартире – пленница. Я не могу не то что выйти, шага сделать без его разрешения.

Она дернула за черную пряжку.

– Он покупал мне одежду... белье... он говорил, что и как носить. Что есть... или не есть... он не распускал руки, во всяком случае поначалу. Но я просто поняла, что перестаю быть. Как человек, понимаешь?

– Сбежала?

– Не с первой попытки. Я ведь дура была, попыталась с ним поговорить. Ведь у нас же отношения, и надо их беречь. И мы оба – разумные люди... я тогда думала, что он человек. А он просто хорошо притворялся.

Она тихо засмеялась, и Иван осторожно коснулся смуглой руки.

– Он меня выслушал, а потом знаешь что? Запретил раскрывать рот без разрешения. Женщина должна знать свое место. Вот так.

Иллариya раскачивалась, обнимая себя.

– Я попыталась скандалить... тогда он меня избил. И знаешь, он даже не был зол. Он меня учил... и потом снова и снова... ключи стал забирать. Он говорил, что любит. Приносил цветы... цветы ненавижу. И искал, что я сделала неправильно. Находил, конечно. И брал в руки шнур. Ты знаешь, что шнуром больнее, чем ремнем?

Она судорожно выдохнула.

– Он бы меня убил. Все к этому шло... и он знал... он ждал, когда я перейду границу, чтобы... а я боялась. С каждым днем все сильнее. Даже когда он уходил, то... он поставил камеры, а потом просматривал. И я выбралась на балкон. Мне повезло, что он оставил балкон незакрытым. А может, он специально, рассчитывал, что я сорвусь... несчастный случай... а я к соседям перебралась. Не знаю, как я... чудом, наверное! Не помню... помню уже, как у соседей оказалась... и просилась, наврала... фантазия проснулась. Выпустили и... я бегом.

Еще не зима, осень, а я в тапочках и домашнем платье. В клеточку платье... короткое... ненавижу платья.

– Все закончилось, – Иван отодвинул остывший кофе. – Машка знала?

– Да. Я... тогда я к ней пришла... другой конец города... пешком... в тапочках... и дво-рами. Все казалось, что он мой побег обнаружил и по следу идет. А идти некуда. Мои роди-тели... им в отличие от Машкиных все равно. И даже если доберусь, то... он знает адрес. И денег у него хватает. Мои за деньги душу продадут, не то что меня. К подружкам? Да не было никаких подружек и... и я, наверное, инстинктивно понимала, что нельзя к прошлой своей жизни возвращаться. Найдет. Он мне как-то сказал, что если найдет, то сердце вырежет. А Машка... о ней он ничего не знал. И я вот понадеялась. А она не прогнала. Жила на съемной квартире, родители ее не хотели, чтобы Машка в общежитии... там же невеста что творится.

Она фыркнула, успокаиваясь.

– Первый месяц я боялась из комнаты высунуться. Все казалось, что он идет. Машка успокаивала. Да и сама я понимала, что найти меня сложно... как-то вот приспособливалась. И заставляла себя... первый раз из дому выйти – почти подвиг. Но ничего, справилась поти-хоньку.

– Ты сильная женщина.

– Знаешь, – Иллариya тряхнула головой, – сила – для женщины не комплимент. Но спа-сибо... я справилась. И поняла, что надо что-то делать, иначе... знаешь, немолодая... ну не старая, конечно, но и не молодая уже. Не особо красивая. С проблемами. Кому я нужна? Только если себе. Вот и пришлось себя же за волосы вытаскивать, как Мюнхгаузен...

– Вытащила?

– Вытащила. Сначала устроилась в свадебный салон подрабатывать. Документы вос-становила свои. Этот урод мой паспорт сжег.

– Заявление...

– Нет, какая полиция, – она отмахнулась, и Иван понял, что и вправду глупость сказал. Она ведь пряталась, а полиция и следствие – это раскрытое убежище.

И доказать что-либо в подобном случае – крайне сложно.

– В общем, работала, как могла... и чем больше работала, тем легче становилось. Хозяйка мне хорошая попала, помогла и... у нее когда-то похожие проблемы были. Жен-щинам порой попадаются неудачные мужчины.

Иллариya поднялась.

– Она же мне и свое дело открыть помогла. Денег одолжила. Без процентов. Без пору-чителей. Без залога, да и какой с меня залог... у меня магазинчик свадебных товаров. Знаешь, мелочи всякие... бокалы ручной работы... или вот подвязки. Чулки... бубенчики... бубен-чики сейчас очень модно... шали... муфты... и ленты... многое сама делаю. Если голова не работает, то хотя бы руки откуда надо растут. Компенсация. Я и Машке предлагала, когда она работу найти не могла...

– Отказалась?

– Она хорошо вышивала. Ты знал?

– Нет.

– И вязать умела. Ее мама учила. Совершенно потрясающие вещи. Но Машка вдруг решила, что вязание – это плебейское развлечение. Ей почему-то хотелось быть особенной... я понимаю, почему, но да, я не одобряла этого ее... я, если ты понял, вообще к мужчинам отношусь скептически.

Иван вернулся за стол. Блинчики остыли. А срок годности шоколадного соуса, обна-руженного в холодильнике, истек.

– Будешь? – предложил он Ларе.

– Буду, – сказала она, вытирая рукавом сухие глаза. – Хотя и нельзя. У меня язва... предлагали в больницу, но некогда.

Блин она щедро полила соусом и, свернув в трубочку, сунула в рот. Жевала, глядя на скатерть. И ковыряла ногтем засохшее пятно.

– Он спрашивал обо мне. Исподволь, но обо мне, – Лара прикрыла глаза. – Машка и та заметила... ревновала, дурочка...

– Думаешь, это твой...

– Валера. Его Валерой звали, если, конечно, это настоящее имя. Я ведь не проверяла паспорт. А потом, когда стало... не по себе, было поздно. Свои документы он никогда не оставлял без присмотра.

Она облизала пальцы и зябко повела плечами.

– Мне неприятно вспоминать об этом, сам понимаешь. Ему моя боль нравилась. И страх нравился. И... и он пытался сделать так, чтобы я боялась все время. Ему это было нужно. Как наркотик. Наркотики ведь разные бывают. Понимаешь?

– Понимаю.

– И если он решил, что за побег я должна быть наказана... и не только я, но и Машка, тогда... не знаю, но ты прав в одном. Плохо, что он меня знает. Зато понятно, почему так быстро откликнулся. Он понял, что я вышла на охоту, и решил поохотиться на охотника. Чем не развлечение?

Всем. И прежде всего тем, что охота эта в любом образе, дичи ли, охотника, – изначально опасное мероприятие, которое ныне и вовсе сродни безумию.

– В сети я больше не выйду, – сказала Иллария, облизывая губы. – Не такая дура... но мы поедем в эти твои Козлы.

– Не Козлы, – поправил Иван, – Козлы. Ударение ставить на первый слог надо.

Машка же поселок и вовсе Козлищами обзывала.

– Там ведь народу немного, так? И мы просто-напросто посмотрим на всех, кто живет. Если он там, то... я его узнаю.

– А дальше что?

– Дальше будет видно. Блины ешь. Для кого я жарила? Ешь и рассказывай об этих своих Козлах... знаешь, Машка их люто ненавидела. Всякий раз прибегала мне жаловаться. Ей хотелось блистать, а ты ее в Козлы.

Лара подвинула тарелку с блинами к себе и, скатав верхний трубочкой, призналась:

– А я деревню люблю, меня на лето к бабке отправляли. Красота. Свобода. И еще вишня зрела. У бабки моей вишни в палисаднике росли здоровущие... вечно там ягоды на вершине оставались, для скворцов. И я лезла, мне обидно было, что для скворцов. А Машке ссылка в деревню наказанием была. Скучно... Но ты не обращай внимания. Рассказывай.

Рассказывать особо было нечего.

Деревня как деревня. Не большая, но и не сказать, чтобы маленькая. Он помнил улицу времен своего детства, мощенную камнем, почти заросшую, словно дорога норовила спрятаваться под полог пыльной травы. И заборы помнил, вдоль которых подымалась крапива. Ежевечерний коровий парад, и лопату, врученную бабкой, – за коровами надо было убрать. Помнил огород и колючую малину, кусты крыжовника, что вызревал ближе к середине лета. Смородину, черную, сладкую, и красную тяжелыми гроздьями... яблоки на яблонях.

Старого пса. Курятник. И дюжину кур, возглавляемую цветастым важным петухом. Память подкидывала живые картинки, но все не те. Иллария ведь не про счастливое детство спрашивает и не про побеги на озеро, куда Ивану соваться было строго-настрого запрещено. На дне озера били ключи, и вода, прогреваясь поверху, в толще своей оставалась ледяною. Оттого пловцов, что ныряли смело, раскаленные июльским солнцем, зачастую прихватывала судорога, и в озере, случалось, искали потом утопленников.

...Про русалок рассказывали.

И про Ильин день, после которого к воде соваться совсем уж нельзя.

Нет, Ларе нужны люди, живущие в деревне. А ведь многие разъехались. Иван не мог бы точно сказать, когда именно умерла деревня. Занят был. Учился. Наведывался, конечно, по старой школьной еще привычке летом. И бабка, старея, иссыхая, ждала его приездов...

...А умерла зимой. И сказали Ивану не сразу. У него же сессия, как отвлекаться?

Следующее лето он провел в городе, заперев себя в четырех стенах, и стены эти раскалялись, в квартире становилось душно, и Иван глотал пропитанный асфальтовой пылью воздух. Потом выяснилось, что бабка оставила завещание, отписала ему дом. И родители стали заговаривать о продаже. Покупатель имелся, деньги, конечно, давал небольшие, но хоть что-то, а Иван уперся. Глупость, конечно, ведь за домом присматривать нужно. Зимой протапливать, летом – проветривать. А еще хозяйство, огород и сад... кто будет ухаживать? У Ивана учеба. Да и после учебы совсем другая жизнь начнется. Ивана ею пугали, а он только хмурился, поджимал губы и упрямо мотал головой. Впервые, кажется, поссорился с родителями, искренне не понимавшими, почему он, послушный их сын, отказывается от столь удачного варианта.

За домом присматривал сам, как умел. И сердце ныло, что умел плохо, и дом постепенно разваливался. Это уже потом, когда появились деньги, Иван не столько восстановил, сколько перестроил.

В Козлах остались немногие.

– Сигизмунд, – Иван решил начать с первого дома, благо улица осталась одна, широкая. – Он вообще не из местных. Точнее, как я. Его бабка в Козлах жила, а он на лето приезжал. Честно говоря, знакомы шапочно. Он старше меня, но не так, чтобы намного.

Лара кивнула.

– В общем, он не то писатель, не то художник. Я так и не понял. Встречались пару раз. Здоровались, но и только. Мужик как мужик. Не женат вроде. Детей нет.

Странно понимать, что он, Иван, фактически ничего-то о соседе не знает. Что сосед этот живет рядом, почитай, через два дома и, вполне может статься, ненормален.

– Вроде по возрасту подходит, ему где-то слегка за сорок, но выглядит моложе. И за собой следит. Потом Вовчик, внук бабы Гали... да, ты бабу Галю не знаешь. Она агротехником в колхозе была. А теперь ирисы сортовые разводит. Она и мне пару дала, такие цветы – закачаешься... ну да Вовка... мужик как мужик. Приезжает, как и я, отдохнуть и бабку поведать. Она его вырастила, а с родителями у него что-то там не ладилось. Ты пойми, я в чужую жизнь не лезу. Ну нехорошо это как-то.

Иллариya приподняла бровь и фыркнула. На кошку она похожа, бродячую, отощавшую, но гордую. Таковую, которая будет при доме, но все одно сама по себе, с видом таким, будто дому этому немалое одолжение делает.

Забавная.

– Бизнес у него... не то салон, не то магазин. Не знаю я! Ему двадцать девять вроде... В теории тоже подходит... Ну и почти все уже... Владлен Михайлович – старый, ему пятьдесят пять, но он подтянутый, в форме себя держит... полковник в отставке. Года три как переехал. Вдовец. Двое взрослых детей, но дочь давным-давно в Германии, а сын – в Москве. Их, честно говоря, видел только на снимках. Владлен Михайлович довольно общительный, порой чересчур... политикой вот увлекается. В депутаты собирается... из тех, которые идейные. Еще Игорек есть, но это из местных, тихий алкоголик, безопасный совершенно. Не думаю, что они каким-то боком к этой истории.

Иллариya думала минут пять. Она молчала и рисовала узоры на грязной скатерти, потом, вздохнув, сказала:

– Надо ехать.

Надо. Иван и сам понимал, он собирался поутру, точнее, после этих посиделок с Илларией, когда она, отступив от безумной затеи, отправится домой.

– Познакомишь меня со всеми, – сказала она, откидываясь на спинку стула. – И если среди них есть мой...

Голос дрогнул.

– Я его узнаю. Имя можно подделать, а лицо...

– А если нет?

– Все равно мне надо ехать. Он интересовался мной, этого ты отрицать не станешь?

Иван не стал.

– И если так, то попытается свести знакомство. Он не знает, что я знаю... то есть в курсе его интереса. Посмотрим, кто из них клюнет на неземную мою красоту.

Она сказала это с насмешкой, скривив губы в болезненной улыбке.

– Лара, это опасно.

– Опасно, – подтвердила она. – Но я не могу ничего не делать. Я... я с ума сойду, и от страха в том числе.

Она обняла себя, и под блузкой выступили острые лопатки.

– Иван, я ведь тоже живая. Я теперь буду думать о том, что он за мной следит... сначала через Машку, а теперь... и когда останусь одна, то... ты не понимаешь, каково это, прятаться в квартире, забиваться в самый темный угол, потому что только он кажется тебе безопасным. Хотя на самом деле ни черта он не безопасен.

Иллария выдохнула со всхлипом.

– И ты сидишь в этом углу, пялишься на часы, а секундная стрелка бежит-бежит... минутная ползет, медленно так... и начинает казаться, что вся твоя жизнь в этом углу и пройдет. Но тебе не хватит духу выбраться... второй раз точно не хватит. Он от меня не отстанет, мы оба понимаем это. И... рядом с тобой мне будет безопасней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.